

Иван и Елена
Мельниковы

Арагонские хроники

Дневник барона Сореала де Монте

Иван Мельников

**Арагонские хроники. Дневник
барона Сореала де Монте**

«Издательские решения»

Мельников И.

Арагонские хроники. Дневник барона Сореала де Монте /
И. Мельников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744088-6

В последние годы фэнтези благополучно рассталось с ярлыком «чтива для эскапистов» и вышло в большой мир. Который, в отличие от сказки, не терпит деления на черное и белое. Просочившись в волшебные истории, он сделал их жестокими, а читателя лишил уверенности в счастливом финале. Не стала исключением и эта книга. В ней персонажи попадают в водоворот событий, которые кое-кому из них могут оказаться не по плечу. Но мы постарались, чтобы усилия героев не пропали даром.

ISBN 978-5-44-744088-6

© Мельников И.
© Издательские решения

Содержание

Пара строк из прошлого...	7
Сореал де Монте	7
Клудия	8
Айден Фин-Сеал	12
А теперь о настоящем	15
Интерлюдия 1.	18
Интерлюдия 2.	23
Интерлюдия 3.	26
Интерлюдия 4.	28
Интерлюдия 5.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Арагонские хроники

Дневник барона Сореала де Монте

Иван Мельников

Елена Мельникова

© Иван Мельников, 2015

© Елена Мельникова, 2015

© Елена Сергеевна Мельникова, дизайн обложки, 2015

© Елена Сергеевна Мельникова, иллюстрации, 2015

Редактор Вероника Александровна Тихомирова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**

Невзирая на свои многочисленные и безусловные достоинства, барон, как вы вскоре заметите, был изрядным сухарем. Его бумаги очень наглядно демонстрируют эту черту его характера – Сореал порой останавливал свой взгляд на самых пустяковых, с точки зрения читателя, бытовых деталях, упуская из виду действительно важные и яркие происшествия. Что удивительно, это не мешало ему местами разбавлять общую скупость повествования неуклюжими, но, безусловно, искренними романтическими нотками. Я не могу осуждать барона за подобный стиль, в конце концов, он не писатель, а воин (и, замечу, превосходный), посему чувствую за собой не только право, но и обязанность внести должный порядок в его записи.

Мне стоило немалых трудов отыскать дневник в одном из замковых чуланов среди ржавых мечей, покрытых паутиной доспехов и прочего бесполезного, по мнению баронессы Джесики,хлама. А ведь было время, когда де Монте ревностно оберегал свои доверенные бумаге мысли от внимания посторонних. Помню, каких трудов мне стоило заглянуть в тетрадь первый раз... но это, друзья мои, совсем другая история.

Посему вы найдете здесь интерлюдии, дополнения и вставки, о содержании которых Сореал, возможно, не ведает и по сей день. Полагаю, так даже лучше, хотя мой милый Гилберт в итоге и изменил свое отношение к де Монте. Бывает тяжело узнавать на склоне лет, где именно на своем Пути ты оступился, что вовремя не заметил или мог предотвратить, уж поверьте старой доброй Розалине Эйнхандер. Происхождение наполняющей эти интерлюдии информации весьма разнообразно – вы прочтете как выдержки из личных записей королевы Арагонской, так и эпизоды, кропотливо восстановленные по беседам с участниками и свидетелями описываемых приключений.

Тем не менее в ваших руках именно то, о чем говорит заголовок. Невзирая на мою редактуру, это все еще дневник барона, его детище, хоть и (простите мне мое тщеславие) изложенный таким опытным сказителем, как я.

*– Розалина Эйнхандер фон Штейн, писано в последний день весны года 1892
от основания великого королевства Арагон.*

Почему-то в наш просвещенный век принято считать, будто рыцарь должен не только уметь сражаться, держаться в седле, знать основы тактики, но и владеть искусством письма. А вместе с тем еще несколько поколений назад практически нельзя было встретить воина, освоившего грамоту, – умение читать и писать являлось планидой магов, клириков и чудаковатых ученых. Не уверен в правильности подобного намерения, но, покидая феода своего отца, я все же захватил с собой толстую тетрадь в кожаном переплете, флакон чернил и пучок острых

перьев. Если повезет – здесь появятся истории, достойные бардов, если нет – то имя на обложке подскажет священнику, кого помянуть в прощальной молитве.

– *Барон Сореал де Монте.*

Пара строк из прошлого...

Сореал де Монте

– Дом нужен для того, чтобы вспоминать о нем у походного костерка.

Барон Ларс фон Штейн, путешественник.

Нелегко быть младшим сыном сиятельного барона Арда де Монте. Никакой надежды когда-нибудь стать единовластным владельцем замка Дантор, полудюжины городов и двух сотен деревень. Об этом не задумываешься в пятнадцать лет, когда служишь оруженосцем у графа Ламбрэ, не помышляешь в двадцать один, когда становишься рыцарем и клянешься на своем мече служить родному королевству, но годы идут. Нет, титул и кое-какое наследство всегда останутся при мне, однако отец никогда не разделит феодал на части, а значит, ни мне, ни моему среднему брату Харту не светит стать лендлордами. Никогда не стремился обладать нашими родовыми землями, но все равно обидно.

Впрочем, осознав, что участь правителя Дантора мне не грозит, я лишь задумался о тех дорогах, которые простерлись теперь передо мной. Можно найти забвение в вине и женщинах, как Харт, или предложить свой меч и службу одному из светлых герцогов. Это и слава, и деньги, и, вероятнее всего, неплохой надел. Война, странствия, празднество... сложный выбор.

Пока я решал, как мне потратить жизнь, судьба сделала свой ход. Неделю назад отец получил письмо от своего старого друга, барона Ларса фон Штейна. Я знаком с Черным Вепрем, известным путешественником и умелым воином, только по рассказам, но мне было грустно услышать о болезни знаменитого рыцаря. Однако куда большим сюрпризом стало желание фон Штейна завещать мне часть своего достояния! Точнее, не совсем мне. Ларс предпочел бы передать наследство тому из детей де Монте, кто еще не нашел свое место в жизни и, скорее всего, не получит весомого состояния после смерти самого Арда. А уже отец решил, что именно я подхожу под это определение. Но ведь у самого Ларса осталась дочь! Правда, поговаривают, девушка унаследовала взрывной характер матери и умудрилась попасть в какую-то неприятную историю. Неужели это причина лишать ее законных прав? Хотя речь может идти о какой-то диковинке, которую фон Штейн решил оставить на память детям своего друга. Непонятно, но очень любопытно. Чем не причина покинуть дом и рвануться вперед, на встречу с неизвестностью? Тем более, отец прямо благословляет меня на это путешествие.

Сборы были недолгими: немного денег на дорогу, верный конь, волшебные доспехи, набор оружия – что еще нужно? Пожалуй, спутник! Что за рыцарь без оруженосца? Да и вообще, Гилберт Эйнхандер, страстно мечтающий о славе и подвигах, скорее мой друг, чем просто паренек, который таскает за мной копье и чистит лошадей. Ну и, конечно, возьму с собой Фессаху. Я не мог оставить женщину-кошку дома – еще съест кого-нибудь. Моя рабыня не слишком цивилизована, но я ведь держу ее не за этим.

Итак, в путь, и да помогут нам боги!

– День 7 марта года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Клодия

– Жениться на шлюхе – тайная мечта любого мужчины. Шлюхи хороши в постели и знают цену истинной любви.

*Дорис Линдон, хозяйка борделя
«Три поросенка».*

Я появилась на свет в самой заурядной крестьянской семье в баронстве Сантаре. Пять братьев, три сестры и замечательные родители. По крайней мере, я их такими запомнила.

Мама – маленькая, подтянутая, строгая и вечно занятая по дому, в огороде и с детьми; ее руки, не знающие покоя за шитьем, стряпней, стиркой, походили на деловитых непоседливых птичек. Отец – высокий, жилистый, широкоплечий, с гордо посаженной головой, какой-то почти благородно пронзительный и тонкий, несмотря на постоянную работу в поле. Наш дом был самым тихим во всей округе: оттуда никогда не доносились звуки побоев, брани или пьяного разгула. Но что-то не клеилось в семье, мы оказывались должны всем вокруг; я думаю, именно это доконало родителей – обидно, когда труды не вознаграждаются по заслугам.

Впрочем, я так и не испытала настоящей бедности, в которую погрузилось семейство со смертью отца. Лорд Фредерик, владелец Сантаре, проезжая однажды мимо нашей фермы, обратил на меня внимание и вскоре забрал из дома. Все понимали зачем, но противиться не имели ни прав, ни средств. В тринадцать лет я стала наложницей барона.

Несмотря на обширность гарема Фредерика и разнообразие тамошних обитательниц, я в одночасье попала в число баронских любимиц. Он многому меня научил (здесь стоило бы покраснеть, но я уже не считала нашу связь постыдной), а вот потом мне стало недостаточно только его ласк. Правда, мужчин в моем вкусе в замке не было, лишь иногда кто-то проезжал мимо и мне удавалось урвать кусочек новой страсти.

Затем я услышала на улице Фальдорфа ехидное замечание в свой адрес (мол, баронская подстилка едет), увидела стыд и боль в глазах мамы, заглянув домой с подарками. Тогда впервые в разум закралось осознание некоей неправильности моего положения. Следующим «открытием» стало понимание того, что Фредерик не привлекает меня более. Но и это пришлось скрыть и преодолеть: отставная любовница – непривлекательная «должность». Благо барон был чародеем и предотвращал возможную беременность, поэтому меня с ним ничто крепко не связывало.

Кроме того, передо мной вырисовывалась незавидная перспектива так и остаться никем – то есть просто шлюхой (и чем старше, тем дешевле). Меня могли выкинуть, когда вздумается, вернее, когда я наскучу своему господину. Фредерик ради смеха научил меня писать, читать, даже преподавал основы магии, разглядев во мне талант (и откуда бы ему взяться?). Я же взялась со всем усердием помогать нашей знахарке. Вообще-то Грейс отличная целительница, разносторонне образованная, любопытная, решительная, хоть и не наделенная впечатляющим колдовским даром. Несмотря на закоснелость взглядов в нашей глуши, она активно практиковала хирургию, но и проверенные народные методы не оставляла без внимания. Таким образом, у меня появился шанс освоить ремесло, с которым точно не пропадешь. Решив не останавливаться на достигнутом, я уговорила Фредерика научить меня заживляющим раны заклинаниям. Довольно скоро в Сантаре стало на одного врачавателя больше.

Совершенно неожиданно барон изменил отношение к моей деятельности: закрыл библиотеку, прекратил практические занятия магией, даже отнял хирургические инструменты (набор мне подарила Грейс на шестнадцатилетие) и ввергнул меня в глубины гарема. Почему?

Что он заподозрил? В тот момент у меня не было никаких замыслов, но недели, проведенные без дела взаперти, среди шипения завистливых одалисок второго плана, стали хорошей почвой... Конечно, я решила сбежать!

Проведя столько времени в обществе разномастных красоток и охранников-евнухов, постоянно плетущих интриги и строящих козни друг другу, я узнала о существовании такой занятной штуковины, как гаррота. Это мне пригодилось, ведь не могла же я прикончить Фредерика магией, не овладев смертоносными заклинаниями (книги хранились под замком в отдельном шкафу). К тому же мастер его уровня наверняка ощутил бы попытку, да и защитных амулетов у него имелось немало.

Почему я отважилась на убийство? Однажды мне пришлось стать свидетельницей расправы над бежавшей и пойманной наложницей, которую выпороли у позорного столба. Мой хозяин не был зверем, но порой проявлял чрезмерную жестокость. Девчонку мы с Грейс тогда выходили, но место ей после этого было в коровнике. Кто мог знать, не решит ли разъяренный Фредерик и мне исполосовать спину, если изловит?

Месяц или два ушли на подготовку: сначала я подулась для вида, а потом снова стала паинькой, покладистостью усыпляя бдительность барона и потихоньку собирая вещи.

И вот, где-то в начале весны, я поняла – пора. Весь день я очаровывала Фредерика, строила глазки и трясла сиськами. Вполне ожидаемо вечером мои заигрывания принесли плоды: господин удостоил меня совместным ужином, а потом указал на постель. Я покорно разделась и легла в ожидании, незаметно сунув импровизированную гарроту под подушку. Барон взобрался на меня... Ох, как же он мне опротивел! Чего мы только не вытворяли в ту долгую ночь. Наконец Фредерик захрапел. Подождав немного, я, затаив дыхание, вытащила свое оружие и придушила его. Он вяло пытался сопротивляться, но быстро затих, доставив мне тем самым непередаваемое облегчение. Содеянное так поразило меня, что я не додумалась пощупать пульс или приложить к губам зеркальце...

А дальше все понеслось как в горячем бреду. Я суетливо оделась, забрала баронский посох, семьдесят золотых, оказавшихся в ящике стола, и свой хирургический набор, обнаружившийся там же. Походную сумку я уложила загодя, послушный ослик ждал меня в стойле, оставалось зайти к Грейс. Странно, но целительница не осудила моего поступка, лишь грустно посмотрела в глаза, обняла на прощание и дала письмо в баронство Штейн, растолковав, что это мой шанс на достойную жизнь. И я покинула Фальд. К моему стыду, навестить родных смелости не хватило.

По землям Сантаре я буквально летела, стремясь поскорее покинуть их (ишак взбунтовался, но в итоге мы договорились), а перейдя границу, начала наслаждаться дорогой, свободой и неспешностью поступи расслабившегося ослика. Не могу надышаться! Словно какая-то неведомая часть меня едва не умерла, запертая в золоченой, удобной, но тесной клетке, а теперь медленно оживала.

На первом же привале выяснилось, что походной жизни необходимо долго и кропотливо учиться. Не беда – я любила узнавать новое. С трудом поставив палатку, я плюнула на ужин – перекусила всухомятку – и завалилась на одеяло, решив при свете фонаря ознакомиться с письмом. Я бы вскрыла послание еще днем, если б не была заморожена красотами окружающего мира.

Я перечитывала не раз и не два, но все оставалось по-прежнему: теперь маленькая Клодия – наследница Ларса фон Штейна. Грейс уступила свой титул мне. Жаль, она не обмолвилась ни словом сразу, я бы кинулась ей в ноги.

Сон долго не шел: непривычные звуки, запахи, впечатления от всего пережитого не давали уснуть до первых петухов – лишь тогда я задремала.

От Сантаре до Штейна около двадцати дней пути и множество деревень, городков и замков. Я не спешила, хотя чувствовала, будто что-то заставляет меня идти в определенном темпе, не позволяя опоздать. Описывать этот переход нет смысла, скажу только – теперь я мастерски ставлю палатку, разжигаю костер с одного взмаха кресала, готовлю на нем съедобную пищу, мои ноги привыкли к продолжительной ходьбе, я чуть-чуть загорела, подружилась со своим «скакуном» и не завела ни одной интрижки по дороге.

**

Вот и замок Штейн! Потрясающе величественный, гораздо внушительнее Фальда, но сильно запущенный... надо привести его в порядок, отремонтировать, почистить, и он будет прекрасен. У ворот собиралась какая-то публика. Ого, неужели это все наследники?

**

Сейчас вечер, и я могу написать о дневных событиях. Действительно многие из приехавших одновременно со мной людей являлись наследниками фон Штейна. Нас пятеро: лорд Сореал де Монте (безнаследный сын), маг Айден Фин-Сеал, следопыт Отэк, алхимик Шаод и я, в недавнем прошлом шлюха, – вот это компания! Попробую передать свои первые впечатления о новоявленных землевладельцах.

Барон де Монте, поначалу вызвавший у меня неприятные ассоциации с Фредериком, оказался неплохим парнем. Иногда он излишне принципиален, бывает, давит своим титулом и авторитетом, но при этом честен и мужественен. К сожалению, Сореал – истинный представитель младших дворян: скучающий взгляд полуприкрытых глаз не задерживается ни на чем, движения ленивы, даже странно, почему он еще не расплылся и не осел на каком-нибудь диване.

Айден красив, но нелеп: чересчур женственный и subtilный. Юноша абсолютно не от мира сего и полностью погружен в свои иллюзии. Особое мое внимание привлек чудный посох в его руках – с тонкой резьбой по всей длине и навершием в виде ажурной клетки.

«Эти двое не будут управлять баронством, по крайней мере, примут в этом минимальное участие. Им явно неинтересно, они привыкли жить на готовом», – подумалось тогда мне.

Шаод невзрачен, сейчас понимаю, что даже не помню его лица, хотя прекрасно вижу, как наяву, вместительный потертый чемодан с алхимическими принадлежностями, даже формы некоторых баночек и колбочек у него на поясе, но вот физиономию хозяина – нет.

Отэк – сумасброд, непрестанно разговаривающий сам с собой иноземец. Он сухощав, высок, широкоплеч, смугл, длинные волосы зачесаны в хвост, раскосые глаза часто опущены долу, словно в поисках незримых следов и тропинок, одежды его сплошь покрыта узором рун.

А вот эта пара оказалась очень деятельной в устройстве баронских дел. Я тоже стараюсь по мере сил. Но стену недоверия со стороны местных властей мы сможем пробить лишь вместе, соединяя свои мнения, способности и усилия. Не знаю, радоваться этому или печалиться, но как мужчины бароны мне совсем неинтересны...

Теперь об остальных. Да, здесь полно народу. Сореал приехал не один, а со своим оруженосцем Гилбертом Эйнхандером и рабыней. Фессаха – женщина-кошка (просто потрясающе, как многообразны причуды природы!), покрытая короткой шерстью бежевого оттенка, грациозная, гибкая, экзотически красивая и, по-моему, опасная. Видимо, де Монте не до конца приручил ее. А Гилберт... ах, этот мальчик восхитителен! Темные выющиеся волосы, нежное, почти девичье лицо, статная фигура, черные ласковые глаза. Он сразу смутился, когда поймал мой взгляд. Но скромность легко преодолеть.

Отэка сопровождали чернокожий Вальдо, воин на твари, напоминающей огромного петуха, и сэр Джон, Белый рыцарь (всегда полагала черную кожу и белые щиты мифом). Я не удержалась и вырвала перышко из хвоста ездовой птички – вот и познакомились. Вальдо

и его кобо (таково правильное название пернатого скакуна) оскорбились, но сэр Джон урегулировал конфликт и пленил меня своей улыбкой. Вальдо, право же, очень забавен. Мало того что он черен, как свечная копоть, одет в диковинный доспех из ткани и черепаших панцирей, так у него еще чрезвычайно живая мимика. Джон полностью воплощает мои мечты о Белом рыцаре. Мужественное загорелое лицо, ярко-голубые ясные глаза, сразу окутывающие взглядом, теплая и нежная улыбка, бугры мускулов под одеждой, гордая осанка – такой набор, должно быть, сражал всех женщин на его пути. Помимо прочего, в боях и в жизни он не потерял чувства юмора. И хотя о возрасте его можно лишь гадать, подозреваю, Джон уже многое повидал и пережил. Он смотрел на меня очень пристально, но без единого намека на похоть. Надеюсь, наше дальнейшее общение не ограничится взглядами.

Отдельное внимание уделю спутнице Айдена – это пикси Сиилин, крохотное торнадо, заноза, шутница и победительница в номинации «Мисс любопытство». По-моему, маг недооценивает ее возможности и чувства к нему, думаю, скоро он на этом погорит.

Весь день мы оформляли бумаги с нотариусом, беседовали с местными представителями власти и влиятельными горожанами, а также чувствовали себя дураками. Только Сореал ярился, сопротивляясь этому новому для себя ощущению, остальные по разным причинам были спокойны. Чтобы утвердиться в звании баронов, придется попотеть, а ведь куда проще отправиться путешествовать и забыть о титуле. Ну уж нет!

Айден Фин-Сеал

– Если женищина хочет помочь, лучше ей не мешать.

Корин Фин-Сеал, отец семейства.

Жизнь Айдена состояла наполовину из нудятины, наполовину из тягомотины и наполовину из отчаяния. Пока он не встретил меня, да! Не каждому так везет, точно-точно!

Мне всегда хотелось завести питомчика – маленького, миленького, беззащитного. Мы, феи, вообще очень заботливы от природы. Едва взглянув на Айдена, отравленного унынием, чахнувшего от него, словно росток без полива, я поняла – моя святая обязанность подобрать его и выходить. Это случилось... ну, не знаю, на прошлой неделе или около того. Одним словом – давно. С тех пор я присматриваю за ним.

Айден задрал голову – над ним томно покачивалось соцветие подсолнуха. В большом мире за границами Вечнозеленого Поля весна только вступала в свои права, но здесь, в поместье Фин-Сеалов, уже поспел урожай. Золотистый ячмень клонился к земле, тяжелый от зерна, яблоневые рощи источали аромат, от которого становилось легко на душе, на виноградных лозах, пригибая их к земле, как изысканные украшения, висели гроздья, янтарные, нежно-зеленые и почти черные с матовым голубоватым налетом. То тут, то там в море колосьев высились островки подсолнечника. Скоро начнется жатва. Отец, мать и сестры будут готовить сладкий эль, и душистый сидр, и, конечно же, знаменитую «Росу Черного Леса». И он, Айден, будет им помогать. Потом, в конце мая, тетя Лайла исполнит танец встречи лета, прямо под звездным небом накроют столы...

Я буквально жертвовала собой, чтобы спасти Айдена от его безрадостного существования. Ни на минуту я не позволяла ему оставаться в одиночестве, да! Ведь чем больше времени проводишь один, тем больше странных идей пролезает в голову. Чего доброго, еще потянет книжку почитать! Как известно, чтение – прямой путь к скучной жизни и одинокой смерти! О нет, вдруг Айден опять беседует с цветочками?! Мог бы и со мной поговорить!

Помимо роскошных ярко-рыжих волос, тетюшка Лайла славилась своим чародейским мастерством и своей рассеянностью. Однако о племяннике она вспоминала чаще, чем о других Фин-Сеалах, и гораздо чаще, чем того хотелось бы Айдену. Вот и сейчас тетя каким-то немыслимым образом отыскала его тут, в надежном убежище среди подсолнухов, где молодого мага не сумела найти даже Сиилин.

Айден до последнего надеялся, что Лайла пройдет мимо, не нарушая его уединения с томиком «заклинаний-на-каждый-день». С тех пор как появилась Сиилин, он по-настоящему научился ценить мимолетные минуты покоя. Послунявив палец, Айден перевернул страницу – за последнюю неделю удалось осилить едва ли четверть книжицы – и обнаружил тетюшку уже заглядывающей ему через плечо.

Тетка Лайла сразу невзлюбила меня. Она явно из тех, кто не в состоянии ценить прекрасное. Точно-точно. Ее повадки, ее гардероб, ее прическа прямо-таки кричат: «ЗА-НУ-ДА»! Она

даже пыталась отгадать меня от Айдена и подменить уродливой жабой или смрадным хором! Не тут-то было! Это Айден мой питомчик, а не наоборот!

Но в одном тетка хороша. Она всегда знает, где дурачок прячется от своего счастья. Ну, то есть, от меня.

**

– Как ты вырос, милый! Взрослел на глазах! – Лайла взъерошила Айденовы волосы и пребольно ущипнула за щеку. – Казалось, еще вчера ты часами не мог нащупать нужную нить, а теперь...

Тетушка вздохнула и замерла, с умилением уставившись на возмужавшего племянку.

– ... а теперь сидишь и читаешь серьезные книжки! – она выхватила томик из рук Айдена, окончательно смирившегося с провалом попытки припасть к знаниям. – Ого, даже слишком серьезные!

Лайла хмыкнула, перелистнув несколько страниц. Затем оглушительно захлопнула книгу и сунула ее в бездонный карман юбки.

– Так вот откуда эти странные идеи, – чародейка уселась рядом с Айденом, подсолнухи и прочая растительность услужливо сплелись под ней в удобное кресло. – Милый, пойми, есть много способов вызвать в женщине страсть, помимо описанных в этой ерундовинке. Они гораздо проще, да и безопаснее к тому же...

Айден густо зарделся, хотя пока не добрался до раздела приворотных чар, и промолчал. Впрочем, промолчал он не из-за того, что ему стало стыдно. Просто коммуницировать с тетей, а тем более возражать ей, было задачей не из легких. А Лайла все не унималась:

– Вот, например, ты призвал в качестве волшебного помощника блудливую фею...

– Она не такая!

– Ах, Айден, конечно такая! Все феи таковы – они блудливы от природы! Намедни твои сестры жаловались, что паршивка блуждает по винодельне, глумится над работниками, и в доме тоже всякое творит... – Лайла, нагнувшись, заглянула племяннику в глаза. – Может, подумаешь о вороне, сове или горностае? Классика не устаревает.

– Тетя, ты ведь прекрасно понимаешь, – Айден выпрямился, – можно призвать помощника заклинанием, но нельзя...

– Верно-верно! – голосок Сиилин раздался сверху. Подняв головы, чародеи увидели помянутую фею, оседлавшую стебель подсолнечника. – Ты не заставишь меня бросить моего питомчика, старая ведьма. Отныне я за ним присматриваю!

– Как хочешь, Айден, – тетушка, по своему обыкновению, не обращала на Сиилин внимания. Во всем поместье Лайла Фин-Сеал единственная могла себе позволить игнорировать пикси, не подвергая опасности свои здоровье и честь. – Если ты предпочитаешь надежности жабы, мудрости совы, интеллекту ворона, ловкости горностае...

Похоже, Лайла вознамерилась в очередной раз перечислить всяческие достоинства волшебных существ, отмечая их полное отсутствие у айденовской подружки. Айден вздохнул и изобразил на лице интерес – от тетушки легче было избавиться, притворившись внимательным слушателем.

– ...девичьи перси размером с абрикосовую косточку и мозг размером с недозрелую горошину... Хотя, знаешь, то, что ты призвал именно фею, о многом говорит. В частности, о твоей готовности начать разгульную жизнь. Ох, Айден, мне будет тебя не хватать! – Лайла приложила к краешку глаза кружевной платочек, а затем из того же самого кармана, в котором бесследно исчезла книга, она извлекла сложенный вчетверо кусок писчей бумаги и передала племяннику.

Попытка Сиилин выхватить листок провалилась с треском, как и сама неудачница, с размаху грохнувшаяся в заросли ячменя.

– Штейн? Это недалеко... – Айден не успел закончить фразу. Вернувшаяся фея плюхнулась ему на плечо и уставилась в текст, попутно отряхиваясь.

– Да, милый, – ответствовала Лайла. – Если тебе понадобится совет, помни: я всегда рядом. С двух до пяти пополудни.

**

Я еще даже не начинала толком приносить удачу, а Айдену уже повезло! Какой-то дядька подарил ему огромный замок, набитый золотом и прочей ерундой, а потом умер. Кстати, очень умно и своевременно поступил.

Меня порядком утомили Айденовы родственники с их замашками. Народец здесь дрянной, скучный, а тетка хуже всех остальных, вместе взятых. «Мозги из гороха»! Вы только подумайте, какие оскорбления мне приходится сносить ради благополучия моего мага! Понятно, отчего у моего питомчика такой заморенный вид. Из-за этого я не могу плести из его маны или наладить с ним мысленную связь! Ладно, приедем в замок, там я возьмусь за него основательно. Смена обстановки всем идет на пользу, точно-точно!

**

Тетушка давно осаждала Айдена с предложениями покинуть родную усадьбу и посмотреть, как она выражалась, «доступную часть мира». Маг лишь надеялся, что Ларс фон Штейн скончался вследствие естественных причин, а не из-за желания Лайлы приобщить племянника к «разгульной жизни». В конце концов, с чего бы барону оставлять замок именно Айдену?

Ситуация немного прояснилась на месте: Ларс, в прошлом путешественник и сумасброд, мило пошутил, завещав имущество и титул потомству своих многочисленных друзей. Айден испытал несказанное облегчение, встретив еще четверых наследников.

Предполагаемые тяготы управления землями отошли на второй план – среди новоиспеченных баронов должны найтись те, кому это действительно интересно.

А главное, замок поистине огромен. В нем наверняка обнаружится парочка феенепроницаемых комнат...

А теперь о настоящем

– Одна голова хорошо, две многовато, три – шея не выдержит.

Сишлин, фея.

После трех недель пути мы, наконец, добрались до замка Штейн. Нашим взорам предстало величественное сооружение, сравнимое по размерам с королевским дворцом. Однако при ближайшем рассмотрении громадина оказалась невероятно запущенной. Потрескавшиеся камни, деревья, зеленеющие на некогда несокрушимых стенах, распахнутые настежь, давно вросшие в землю центральные ворота, совершенная разруха на месте дворовых служб. Я знал, что Ларс фон Штейн не очень следил за делами своего родового гнезда, но такого все-таки не ожидал.

Пока мы с Гилбертом изучали внутренний двор замка, а Фессаха лениво умывалась, сюда пожаловали новые гости.

Первым явился смазливый юноша в тяжелом походном плаще поверх рубы, богато украшенной золотым орнаментом; в руках незнакомец держал длинный резной посох. На плече у колдуна (а кем еще он мог быть?) важно сидела пикси. Описывать ее подробно я не вижу особого резона – на мой взгляд, все эти феечки на одно лицо. Миниатюрные размеры, яркая нечеловеческая красота, пестрые крылья и шkodливый характер. Забегая вперед, скажу – с характером я угадал. Юноша представился как Айден Фин-Сеал, начинающий маг из Вечнозеленого Поля. И его привело сюда почти такое же письмо, как и меня. Дальше – больше.

Сначала к нам присоединился невзрачный тип по имени Шаод, с честным лицом, какое часто бывает у судей, адвокатов и жуликов. Вслед за ним к замку подъехали еще трое всадников. Смуглый северянин, постоянно бормочущий себе под нос, высокий статный рыцарь из Ордена Странствий и чернокожий воин верхом на кобо. К счастью, из этой троицы к числу «наследников» принадлежал лишь северянин, следопыт по имени Отэк.

Последней появилась ослепительно красивая блондинка, чьи выдающиеся формы буквально выпрыгивали из одежды. Только абсолютно невинное ангельское личико помешало мне принять эту особу за обыкновенную продажную девку. Печальный ослик, нагруженный самым разным скарбом, свидетельствовал – она так же пришла сюда издалека. Разумеется, Клодия держала в руках еще одну копию послания Ларса фон Штейна. Происходящее стало походить на дурной фарс. Но мне уже было слишком любопытно, чем все это кончится, чтобы просто обиженно уехать.

Всеи этой пестрою толпою мы позвонили в дверь центрального донжона (там висел один из этих новомодных звонков, работающих на особой магии, которая, вроде, и не магия вовсе). Нас впустил внутрь хмурый воин, представившийся как Кайт Сид. Увы, хозяин замка не дождался ответа на свои письма, мирно почив еще неделю назад, и теперь нам оставалось лишь выслушать волю покойного.

Кайт выпустил из чулана стряпчего, которого держал взаперти со смерти барона, и, надев очки, зачитал завещание. Вот что оно гласило:

«Я, барон Ларс фон Штейн, приветствую всех, кто находится в этой зале, в особенности моих будущих наследников. Если вы слышите эти строки, значит, меня уже нет среди живых, и мой поверенный, Кайт Сид, оглашает мою духовную в присутствии члена королевской Гильдии Адвокатов.

Внимательно оглядитесь. Если вокруг нет никого, кроме стряпчего, Кайта и вашего лакея, – вам несказанно повезло. В противном случае, господа и, возможно, дамы, выслушайте мою волю.

Я завещаю вам этот замок, Штейн, а также прилагающийся к нему диплом барона. Не волнуйтесь, я тщательно изучил законодательство, прежде чем составить послание, – подобные случаи уже имели место в истории Арагона, например: феодал Стрейчи совместно управлялся тремя братьями на протяжении двадцати лет, а герцогство Карлайл находилось во владении двух сыновей герцога (один из которых, кстати, был незаконнорожденным) на протяжении пяти лет. Поэтому я смело оставляю в ваших руках замок и титул, уверенный, что мои хорошие друзья просто не могли воспитать подлецов, способных устроить резню за единоличное обладание Штейном, как только представитель Гильдии Адвокатов выйдет за порог... или чуть погодя».

Стряпчий, явно стремясь поскорее покинуть замок, торопливо совершил все необходимые формальности, разместил на пергаменте, содержавшем последнюю волю Ларса, сургучную печать с гербом Арагона и своей Гильдии, а затем, получив увесистый мешок с золотым песком, со всех ног бросился к выходу. Кайт поправил очки, достал из тубуса еще один свиток и продолжил читать:

«Ну а теперь, когда здесь все свои, несколько слов о доставшемся вам наследстве. В моем, то есть уже вашем баронстве живут прекрасные трудолюбивые люди, проблемам которых я уделял гораздо меньше времени, чем стоило бы. Баронство задолжало казне порядка трехсот тысяч стандартов, но, я уверен, вы найдете способ расплатиться. Приглашайте за моим соседом Гарде д'Арго – говоря начистоту, он порядочный говнюк. Прошу вас, не продавайте замок. Даже если вы последуете моему примеру и решите посмотреть мир, он всегда будет для вас домом, в котором приятно отдохнуть от странствий.

И еще одно. Если вернется Розалина, моя дочь, передайте ей – я ни в чем не виноват ни перед ней, ни перед Миланорой, ее матерью и моей женой. Я всегда любил их».

Кайт снял очки, положил бумагу на стол и указал на старомодный семейный портрет, висевший над грандиозным камином. Барон и его семейство запечатлелись на трехметровом холсте, по-видимому, в краткий миг семейного благополучия. Ларс, облаченный в парадный доспех, неземной красоты высокая эстарийская дева рядом (вернее всего, его жена) с роскошной медной косой до пят и рыжая девчонка лет четырнадцати, одетая слегка фривольно, на мой вкус, – вне всяких сомнений, сбежавшая дочь. В ее лице причудливо смешались черты родителей, наградив девицу экзотическим очарованием, присущим большинству полукровок. И хотя губы всех троих растянулись в улыбках, взгляд эстарийки словно сковало вековечным льдом, а в глазах Розалины живописец разглядел – и мастерски передал – затаенную тревогу. Только на лице барона сияло вполне искреннее и безмятежное счастье. Должно быть, мысленно он уже отправился в очередное путешествие.

Во внешности Миланоры я ощутил нечто неуловимо знакомое. Как ни удивительно сие прозвучит, она чем-то напомнила мне Клодию. Впрочем, красивые женщины часто во многом походят друг на друга.

Получалось, Ларс решил оставить свои земли, титул, замок и все остальное имущество младшим родственникам своих хороших друзей. Нам пятерым (мне, Айдену, Клодии, Шаоду и Отэку) предстояло совместно править баронством Штейн и, очевидно, вести его к процветанию. Безумная идея, особенно учитывая личности остальных новоиспеченных дворян. И зачем барон разругался со своей родной дочерью и не завещал все ей? Плевать, что она наполовину эльфийка, ведь эта девушка – его прямая наследница!

Ладно, пора успокоиться. Подведем итог. У нас есть огромный, величественный, но грязный и частично разрушенный замок; нет ни одного слуги, кроме Кайта Сиды; есть казна, в которой осталось несколько мелких монеток; есть земли с деревьями и одним городом, жители которых еще не знают, как им «повезло».

Мы пятером обсудили возникшую ситуацию. Пару раз мне очень хотелось воспользоваться своим мечом, как решающим аргументом, но в результате нам удалось достичь времен-

ного соглашения. Будем пытаться совместно управлять Штейном. Начали с визита в Риовейн, единственный город в баронстве, и разговора с мэром. Замечу – уже четыре года горожане практически не платили налогов своему землевладельцу. Но, учитывая, как Ларс относился ко всему, кроме своих путешествий, я не нашел в этом ничего удивительного.

Лотрек Макнейл рассказал ничтожно мало и как-то неохотно. Отсутствие выплат мэр объяснил бесчисленными бедствиями, свалившимися на эти несчастные земли; документы подтверждали его слова, хотя Риовейн выглядел богатым и весьма процветающим. Градоначальник (и как Ларс взял на эту должность простолюдина?) пообещал прислать крестьян для приведения замка в относительный порядок, а также вознамерился устроить прием в честь новых властителей Штейна. Мне Макнейл категорически не понравился, будь моя воля, я бы вздернул мерзавца на ближайшем суку и назначил на освобожденное место одного из его подручных, но остальные «бароны» отговорили меня от крайних мер. И еще меня насторожили телохранители Лотрека: на вид опытные и хорошо оплачиваемые ландскнехты. Зачем в сонном захолустном Штейне тратить столько денег на стражу при наличии городского ополчения? Весьма подозрительно. Оставим пока данный вопрос открытым.

В то время как прочие «бароны» отправились бродить по городу в поисках слухов и неприятностей, я заглянул в трактир «Пьяный бобер», перекусил сам, покормил Фессаху и Гилберта. Заодно познакомился с владелицей сего заведения – Моной де Лонзо. Странная девушка, слишком умная и манерная для трактирщицы. Она, как и положено, хорошо информирована о событиях в городе, а также имеет весьма философский взгляд на вещи.

После обеда я, купив фуража для наших лошадей, вернулся в замок. Немного побродил по запутанным коридорам грандиозного сооружения. Всюду контраст между величественным прошлым и упадком настоящего. Конструкции из сверкающего металла, «вечная» система отопления, сделанная еще гномами, и полуистлевшие гобелены на стенах. Обширная сокровищница и перемешанная с ржавым оружием разнообразная рухлядь, разбросанная по ней. Обширный красивый сад, который давно не знал ножниц садовника. Печальное зрелище. Надеюсь, у нас выйдет хоть что-нибудь исправить.

Экскурсия помогла решить, где поселиться в этом замке. Самыми чистыми и ухоженными оказались комнаты дочери и покойной жены барона, но там мне было неуютно. Я выбрал апартаменты самого Ларса. Большую часть хлама мы с Гилбертом вынесли собственноручно, а мелкий мусор и неприятные запахи чуть позже устранил своей магией Айден. Даже не смешно: убираясь, мы обнаружили в ночном горшке фон Штейна его баронскую корону. Когда помещения приобрели более-менее жилой вид, я с превеликим удовольствием принял ванну и сменил одежду. Не могу сказать, что тут же почувствовал себя как дома, но под крышей и в кровати ночевать гораздо приятнее, чем в палатке во время ратных поездок.

Загулявшие допоздна «бароны» собрали в городе целый ворох слухов. Тут и разбойники на дороге, и тролли с гоблинами, и гигантский волк, и лисица с тремя хвостами – все привычные побасенки, возникающие рядом с волшебным лесом, который, кстати, занимает большую часть земель баронства. Но вот история о недавно сгоревшем отделении Гильдии Магов вызвала у меня серьезные опасения. Один волшебник погиб, другая – лежит со страшными ожогами в храме Мистралины. Наверное, там бы она и умерла, но в госпиталь заглянули Айден и Шаод, на счастье, оба сведущие во врачевании. Теперь, возможно, девушка выживет, а нам стоит впоследствии с ней побеседовать. Здания Гильдии Магов очень редко горят сами по себе.

Не зря лег пораньше. Ночью меня разбудила печальная музыка, доносящаяся из сада. Кайт, попавшийся мне по дороге, рассказал, что уже две недели на одном из деревьев по ночам играет какая-то эльфийка. Я был крайне рассержен своим неурочным пробуждением, решив натравить на гостью Фессаху, но потом Сид упомянул – Ларс просил не мешать музыкантше, и я оставил эту идею. Но все-таки надо обязательно разобраться, кто она и чем занимается в нашем саду.

Интерлюдия 1. Рыжая неудачница

– Если вам кажется, что воровать легко, попробуйте сами.

София Стрейчи, любительница острых ощущений.

Отэк поклонился эйрайке, прощаясь, и направился прочь из-под сени деревьев. Почему эта дочь леса так холодно и отчужденно разговаривала с ним? Что нужно ей? Чуть подумав, следопыт обратился к своему эльфийскому духу-советчику с этими загадками.

– Если бы я знал, что нужно эйрайским девам и как их заинтересовать, я б тут с тобой не болтался, – мрачно пошутил дух.

Северянин сформулировал было еще вопрос, но тут его внимание привлекла тень на стене замка. Тень человека с мордой лисы и тремя хвостами. Она молниеносно промелькнула по стене и исчезла где-то в стороне центрального донжона. Следопыт насторожился. Сразу вспомнилось, как Клодия и пикси болтали о какой-то воровке, которая-де собирается ограбить замок. Жаль, но выследить ее так и не удалось. Нужно обязательно предупредить остальных!

**

Вот уже несколько часов они безуспешно искали по всему замку «многохвостую лису». Время давно перевалило за полночь, шуточки про количество конечностей у рыжей гостьи иссякли, а результатов все не было.

Невольно закрадывалась мысль, что Отэку могло просто-напросто померещиться. Большинство «сыщиков» уже сдались, да и сам Айден всерьез подумывал пойти спать. Когда же он направился в свою комнату, произошло...

Навстречу магу из-за темного поворота коридора выскочила та самая лиса. При ближайшем рассмотрении создание это напоминало молодую девушку, но с лисьими мордочкой, ушками и тремя пушистыми хвостами. Маг уже начал мысленно повторять мантру заклинания, парализующего мышцы цели, но тут незнакомка и сама замерла, оценивающе посмотрела на Айдена, а потом, вместо того чтобы убежать, шагнула к нему и обвила рукой за шею. Другая рука лисицы скользнула куда-то вниз. Айден всегда был падок на экзотическую красоту – тут его, как говорится, совершенно накрыло. Маг начал срывать одежду с девушки-лисы прямо здесь, в коридоре.

– Прекрати сейчас же! – возмущенно прошипела Сиилин, которая сидела на плече Фин-Сеала. – А ты – руки прочь от моего домашнего колдуна, стерва!

«Вот и пригодилось заклинание», – отстраненно подумал Айден, на одном дыхании произнося длинную витиеватую фразу. Пикси застыла, словно маленькая, ярко раскрашенная статуэтка. Не мудрствуя лукаво, маг сунул оцепеневшую фею в кошель на поясе, затем схватил в охапку ничуть не возражавшую лису и буквально бегом потащил ее в свою комнату.

Когда напрочь потерявший от похоти голову колдун взгромоздился на эту дурацкую рыжую потаскуху, чары, удерживавшие пикси, ослабли, и Сиилин немедленно выбралась из душного узилища, сразу же вперившись взглядом в голые икры Айдена (остальное она предпочла упустить из виду). Первым ее побуждением было броситься к магу и остановить происходящее непотребство, но под властью страстей колдун явно сделался опасным, а о способностях коварной соблазнительницы оставалось только догадываться. Пикси отчаянно нуждалась в помощи. Фея полетела к единственному человеку в замке, с которым успела немного сдружиться и который вызывал у нее хоть какое-то доверие, – к Клодии.

Как небольшой, но очень сердитый торнадо, Сиилин ворвалась в комнату девушки.

Пикси повезло – дверь оказалась слегка приоткрыта, не пришлось облетать замок снаружи в поисках нужного окна. Да и то, что Клодия еще не легла спать, тоже было большой удачей.

– Клоди, беда! Лиса-оборотень залезла в комнату Айдена и зачаровала его! Нужно срочно остановить эту дрянь, пока не произошло непоправимое! – пикси описала круг возле головы ошеломленной баронессы и полетела прочь из комнаты. – Скорее за мной!

Клодия, не раздумывая, бросилась вслед за своей новой подругой. Вдвоем с Сиилин они быстро достигли покоев мага и ворвались внутрь. Конечно, Айден и не подумал запереться. Через несколько мгновений ему предстояло очень здорово пожалеть об этом.

– И? – недоуменно переспросила Клодия, воззвись на постанывающую от наслаждения композицию из чародея и девушки-лисы.

Любовники совершенно не обратили внимания на нарушивших их уединение «гостей».

– Что и?! Останови ее! Мало ли какие последствия может иметь соитие с такой зверюгой... И не дай этой дряни сбежать! – заверещала Сиилин.

Клодия пожала плечами и, нехорошо усмехнувшись, сколдовала на ничего не подозревающую лисицу заклинание спазма. Мышцы девушки мгновенно свело, тело ее неестественно резко выгнулось и обмякло. А вот Айден, которому неожиданно защемило мужское достоинство, напротив – напрягся и заорал. По коридорам замка прокатился громкий вопль, полный такой боли и отчаянья, что проигнорировать его было просто невозможно.

Спустя считанные минуты после того, как крик разорвал тишину ночи, в комнату мага уже ворвались следопыт с луком в руках и полуодетый алхимик с парой склянок сильнейшей кислоты. Этого времени как раз хватило лисе, чтобы отчасти прийти в чувство и сбросить с себя тело страдающего Айдена.

Шаод подскочил к существу и пнул его ногой, пытаясь отпихнуть подальше от «жертвы», а Отэк взял едва не замучившую мага тварь на прицел. Лиса вскочила на ноги. Следопыт отпустил тетиву – в бедро девушки вонзилась стрела. Оборотень вскрикнула от боли, однако не растерялась, а метнулась к вороху своей одежды и, выхватив оттуда нагетеппо, попыталась бросить ее в толпу прибывших спасателей. Но предмет выскользнул из вспотевшей ладони и упал незадачливой девице под ноги. Комнату залила яркая вспышка. Лисице в очередной раз не повезло – разумеется, она не успела зажмуриться и совершенно ослепла от взрыва. На этом ее несчастья не закончились: все остальные находящиеся в комнате перенесли диверсию практически без последствий.

Исход противостояния трех людей, поддерживаемых одной разозленной пикси, и полуослепшей лисы сомнений ни у кого уже не вызывал. Злополучную воровку повергли наземь, связали и даже перебинтовали (Клодия постаралась на славу – повязка несильно отличалась от пут). И ведь девушка-то оказалась вполне обыкновенной, а ее экзотичную внешность обеспечивали несколько волшебных предметов: маска лисы, шапка с ушками и пристегнутые к юбке хвостики. По совету одного из духов-хранителей Отэка все вещи у девицы отобрали, а саму ее заперли в чулане. Воспользоваться темницей не удалось по причине совершенной неподготовленности помещения: дверь чулана выглядела куда прочнее проржавевших решеток подземелья. Победители гордо разошлись спать, оставив Сиилин выговаривать магу все, что она думает о его бесстыдном поведении.

Все спешили ко сну, и никто не обратил внимания, как Клодия тихонечко умыкнула отобранные у лисы артефакты. Унеся «приобретения» в свою комнату, девушка некоторое время разглядывала не лишние изящества и красоты вещи, потом, не раздумывая, стала примерять их на себя.

Она сразу же почуяла запах кайтовского супа, хотя варево бурлило в полуподвальном помещении кухни на противоположной стороне здания. Слух и зрение столь же обострились. Помимо этого, Клодия умудрилась легко и непринужденно взобраться по портьеру, перелезть, цепляясь за лепнину, на камин и без труда спуститься. Ух, поразительно! Но... Девушка недоуменно мотнула головой и внезапно поняла, что сейчас буквально сойдет с ума от нахлынувшего вожделения, да и утащить какую-нибудь ценность будет неплохо. Какое там неплохо – совершенно необходимо сию минуту кого-то соблазнить и обокрасть!

Перебрав в уме обитателей замка в поисках того, с кем можно было бы проделать и то и другое, Клодия остановилась на оруженосце барона де Монте, Гилберте. Симпатичный молодой парень, да еще дворянин, а значит, у него, наверняка, найдется чем поживиться!

Оставим в стороне подробности той бурной ночи. Думается только, Гилберт Эйнхандер, скорее, остался доволен случившимся. А вот пришедшая в себя на утро Клодия ударилась в легкую панику. Ночью она с трудом, но спешно спрятала похищенные у юного оруженосца щит и доспехи, а теперь не помнила точно, где... вроде бы все-таки в замке.

Маску лисы девушка сразу сожгла в камине своей комнаты, определив ее источником проклятия похоти и жадности. Остальные предметы она сохранила в целости. Вещи, украденные у Гилберта, Клодия кое-как нашла и незаметно вернула мирно дремлющему хозяину.

Так кончилась эта ночь...

– День 30 марта года 1827 от основания великого королевства Арагон.

– Этому лесу нечем меня удивить.

Рудольф Григ, ксандрийский охотник.

Проснувшись, позавтракав и приведя себя в порядок, я разыскал Кайта Сиду и расспросил его об эльфийке. В процессе беседы выяснилось: ночью в замке поймали какую-то девушку, которая-де пыталась изнасиловать Айдена и ограбить замок. Весьма странная история, на мой взгляд. Каково же было мое удивление, когда я, решив поговорить с пленницей, обнаружил, что ее не только запихнули в одну из многочисленных замковых кладовок, но еще связали и забрали у несчастной всю одежду! Освободиться от пут ей удалось самой, а вот куртку узнице одолжил я. Девушка оказалась весьма образованной и умной особой. Ее версия событий порядком отличалась от изложенного Кайтом варианта. По слухам, наш замок давно заброшен, и она пришла сюда в поисках сокровищ, о которых шепчутся во всех окрестных тавернах. Найти богатства не удалось, но взамен она повстречала Айдена. Маг зачаровал молоденькую авантюристку с целью воспользоваться девичьим телом и уже приступил к своему черному делу, когда остальные «бароны» внезапно ввалились в комнату, прострелили ей ногу, ограбили и едва не убили. История Софии Стрейчи тоже не вызвала у меня абсолютного доверия, но и без того ясно как день: кое-кто из новоявленных дворян повел себя недостойно. Или, может, это проделки пикси? Думаю, разберемся. А с Саффи мы еще немного, гм, поболтали – теперь она почти не расстроена случившимся и даже не против погостить в нашем замке.

Что-то загадочное творится с Гилбертом. Все утро он какой-то нервный, взволнованный и почему-то, против обыкновения, не надел доспех. Попросил у меня денег, чего раньше не бывало, и отправился в город. К чему бы это? Ладно, заодно я велел ему привезти вещи Софии из гостиницы.

Уже после обеда ко мне заглянул Айден. Он осознал свою вину и решил извиниться перед Саффи за неприличное поведение. Правда, никаких упоминаний о том, что он околдовал девушку, не последовало, а она, в свою очередь, об этом больше не заговаривала. Вернуть Софии одежду чародей тоже отказался, но тут я всецело положился на его заверения – вряд ли он забрал ее себе. Нужно будет осведомиться на этот счет у остальных. Далее я имел удовольствие наблюдать за взаимными препирательствами Сиилин и Саффи. Да, они, несомненно,

стоят друг друга. Мне кажется, случившееся ночью навсегда останется для меня тайной. Впрочем, это не слишком важно.

Мэр выполнил свое обещание и прислал без малого шесть десятков крестьян для приведения замка и двора в порядок. Особенного старания за ними замечено не было, но лучше такая уборка, чем никакой. Я наказал Кайту приглядывать, чтобы наши работнички не умыкнули чего-нибудь. В моих покоях их вполне может остановить (или, не дай Мистралина, сожрать) кошка, но замок большой, и лучше проявить в этом вопросе осторожность.

Когда перевалило далеко за полдень, из своих комнат появились заспанные Клодия и Шаод. Следопыт еще ночью отправился в Гильдию Охотников расспросить местных зверобоев о гигантском волке, Айдена со своей ехидной тенью к этому часу тоже покинули замок. Вроде бы маг решил провести свою родню, которая живет неподалеку. Часам к двум дня я опять проголодался, а Клодия с Шаодом жаждали позавтракать, и мы втроем отправились в таверну, собираясь заодно обсудить дела насущные. Фессаха, как, естественно, и Саффи, осталась в замке, предпочтя сон развлечениям и даже еде. Гилберт все еще не появился, и я уже начал волноваться за порывистого юнца.

Уже на подходе к городу мы встретили Айдена с Сиилин и Отэка. Забавно – всех нас потянуло поесть в одно и то же время. В таверне Мону сменил угрюмый бармен. Сама она, будучи владелицей заведения, появлялась за стойкой не так уж часто – как правило, по утрам. Клодия немедленно взяла парня в оборот, желая узнать, где можно найти надежных слуг для замка, закупить еды и многое другое. Но, обомлев от прелестей молоденькой баронессы, бармен – и так не шибко разговорчивый – вовсе язык проглотил, девушке еле-еле удалось выдавить из него пару фраз. Тем не менее из этого вышел кое-какой толк: он посоветовал Кло поболтать лично с Моной, что она и сделала вечером.

Мы посоветовались о дальнейших действиях. Неожиданно появились хорошие новости. Клодия раздобыла для баронской казны ни много ни мало – аж тысячу двести золотых арагонских стандартов. Признаться, не ожидал от нее такого бескорыстия; мое уважение к этой даме сильно возросло. Правда, сумма представлена преимущественно медью и серебром, но, так или иначе, теперь у нас есть хоть какие-то деньги на возвращение замка в нормальное состояние.

Когда Клодия заговорила о деньгах, ее слова услышал темнокожий воин, приехавший вместе с Отэком. Он как раз страдал, пытаясь выпросить у своего товарища, рыцаря Джона, денег на посещение местных жриц любви. Поэтому Вальдо тут же подскочил к нам и принялся клянчить деньги теперь уже у Отэка. Следопыт не сильно обрадовался, но спонсировал негра полусотней золотых. Звеня монетами, вмиг повеселевший Вальдо чуть ли не вприпрыжку удалился в номера.

Отэк поделился результатами визита к охотникам. Оказалось, до начала лета эти «бесстрашные» воины не рискуют соваться в лес дальше самого краешка. Попытки следопыта отправить их на большую охоту не увенчались успехом. Появилась мысль самим «прогуляться» по лесу и немного почистить его от зверья. Мне, например, хотелось размяться и помахать мечом, Фессаха, скорее всего, тоже будет не прочь присоединиться. Все, кроме алхимика, который отправился в храм Мистралины навестить пострадавшую в пожаре волшебницу, тоже загорелись этой идеей. А пару минут пообщавшись с Клодией, нас согласился сопровождать и сэр Джон. Через час решили выступать.

Минувшая прогулка вызывает у меня смешанные чувства. Мы не успели еще особенно углубиться в лес, когда Отэк наткнулся на следы огромного волка, видимо, того самого, загубившего крестьян. Убийство такого зверя могло стать отличным итогом сегодняшней охоты. Однако пройти к его логову спокойно нам не дали. Отряд подвергся внезапному нападению десятка гоблинов. На что надеялись эти зеленые недомерки? Ведь было очевидно – перед ними не крестьяне. Я лично зарубил троих и, если бы не пущенная совсем некстати стрела Отэка, прикончил бы четвертого. Замечу, этот последний дрался очень неплохо, особенно

для гоблина. Мои спутники перебили прочих нападавших, хотя, возможно, кому-то удалось бежать. Никто из нас серьезно не пострадал, а лечебная магия Клодии (количество целителей среди «баронов» определенно радует) вовсе изгладила с тел пострадавших всякие напоминания об этой схватке. Единственное исключение – Фессаха, которая отказалась подпускать к себе девушку, несмотря на рассеченную руку. Кошка еще не очень доверяет нашим новым знакомым, а бой привел ее в чрезмерно возбужденное состояние. Мне даже пришлось остаться с ней на некоторое время неподалеку от места стычки и успокаивать. Одна беда: полосатая нахваталась где-то в лесу блох, и несколько букашек перебралось на меня. Надо обязательно купить у знахарки средство от этих мелких кусачих гадов.

Пока мы с кошкой догоняли остальных, они уже успели добраться до логова волка (хищник облюбовал целую систему пещер в невысоком скальном массиве) и обнаружить опередившего нас прославленного ксандрийского охотника Рудольфа Грига. Теперь прогулка была окончательно испорчена. Только Отэк не расстроился: он забрал оставшихся без матери (да, это оказалась еще и самка!) детенышей, которых обнаружила любопытная Сиилин, не преминувшая провести нутро волчьего жилища.

На обратном пути из леса Фессаха куда-то запропала. Вот ведь неутомная! Но она еще вернется, когда нагуляется вдоволь. Тешу себя надеждой, эту самоуверенную хвостатую никто не съел. Не то чтобы я сильно волновался, но будет неприятно.

Я, как и собирался, съездил к знахарке, родственнице Айдена, довольно приятной девице по имени Джессика. Судя по всему, она опытная ведьма, во всяком случае, ей удалось принять облик премиленькой девушки лет шестнадцати. Думаю, ее настоящий возраст куда больше. Блохи больше не доставляют проблем, надеюсь, и Фессаху тоже помою, когда вернется.

Из новостей от «баронов». Они отправились в город расследовать темную историю с окровавленными предметами в «Железной свинье». Хозяин оружейного магазина, кузнец Леонард, ветеран катрионской войны, считает, будто его преследуют беспокойные души убитых им врагов. Его дочь Алиса, наоборот, полагает происходящее чьей-то злой шуткой. Клодия убедила Леонарда с семьей перебраться в замок, и теперь у нас, похоже, появится собственная кузнечная мастерская.

У баронессы потрясающие дипломатические способности, говорю это не без иронии, памятуя о ее прелестях, веско подкрепляющих любую просьбу Клодии, но и не без доли уважения. Вот и сэр Джон поддался очарованию девушки, впрочем, она, похоже, также неравнодушна к рыцарю.

Что еще написать? Поужинал в обществе Саффи. Гилберт среди дня заходил к ней с неутешительной вестью: номер, где остановилась девушка, разгромили – деньги пропали, а все ее платья изрезаны в клочки. И кому такое могло прийти в голову? Мне теперь нужно позаботиться о гардеробе нашей гостьи – нельзя же девице безвылазно сидеть в моей комнате, как в заточении. Завтра займусь.

Кстати, оказалось, именно в руках Клодии осела волшебная одежда Саффи. Она вернула нашей гостье весь набор, кроме маски, на которой, по ее словам, было проклятие, из-за чего маску пришлось сжечь. Тут выяснилось еще одно пренеприятное обстоятельство. Эти магические вещи не принадлежали Софии, она взяла их на время у наставницы, и теперь, когда маска уничтожена, просто-напросто боится возвращаться. Что ж, полагаю, она вовсе не стеснит нас, я разрешил ей пользоваться гостеприимством замка сколь угодно долго.

Отэк устроил в одном из подсобных помещений ясли для волчат. Даже интересно, выйдет ли у него что-нибудь. Шаод сварил нам пару полезных зелий – тоже неплохо.

Интерлюдия 2. Пиксячьи выдумки

– *Любопытство заменяет феям разум.*

Лайла Фин-Сеал, чародейка.

Куда это она собралась? Пикси увидела, как Фессаха бесшумно скользнула в лес. Никто, кроме Сиилин, не заметил этого маневра, а вот крылатой фее стало очень интересно, что задумала кошка. Мысли в пиксячьих головах редко расходятся с делом, и Сиилин устремилась вслед за Фессахой.

Кошка безошибочно шла по какому-то следу, лишь пару раз остановившись, чтобы почесаться. Пикси беззвучно хихикнула, опять вспомнив, как замечательно получилось подобрать ей на шерсть блох из заветного мешочка. Фессаха очень удачно отвлеклась, поедая того гоблина, да.

Еще через несколько минут кошка нагнала охотника с его тележкой, груженной тушей волчицы, низко прижалась к земле, чуть слышно зашипела. Мгновение – и ее тело метнулось вперед. Рудольф был действительно великим охотником: даже осторожной Фессахе не удалось застать его врасплох. Он выхватил из-за спины свое знаменитое ружье, молниеносно взвел курок и выпалил в летящую на него хищницу. Оглушительно грохнуло, тяжелая пуля прочертила длинную борозду на бедре кошки, но уже в следующий миг когти Фессахи разорвали горло охотника. И вот тело Рудольфа уже бьется на земле в агонии. Неприятный, конечно, человек, но так потешно дергался, когда ему за шиворот сыпались червяки! Сиилин немного огорчилась. Фессаха тем временем отбросила мертвое тело, принявшись крушить лапами уязвившее ее ружье. Вообще кошка казалась куда более разъяренной и злой, чем час назад, когда охотилась за гоблинами. Она как могла раскурочила оружие, помочилась на него, после чего громко фыркнула, смерила Сиилин выразительным, почти угрожающим взглядом, а потом одним прыжком скрылась меж деревьев.

Сиилин задумалась: как реагировать на происшествие и стоит ли? Впрочем, уже секунду спустя пикси выбросила все эти неинтересные раздумья из головы. Подлетая к самой кромке леса, она заметила в стороне две высокие фигуры, окруженные полудюжиной гоблинов. Один гoblin, самый старый, был одет в пеструю тунуку и обвешан всевозможными блестящими украшениями. «Либо вождь, либо шаман», – решила про себя Сиилин. Неизвестные, активно жестикулируя, выговаривали что-то зеленокожим. Такая толпа гоблинов выглядела опасно, но разве играет роль опасность, когда тебя гложет любопытство? Пикси изменила траекторию полета и приблизилась на расстояние, откуда был слышен диалог.

– Что значит – охотники не справились?! Твое племя не способно прикончить нескольких человек?!

– Но они перебили всех, даже Харага. Один Грыл смог бежать!

– Ты человеческий язык понимаешь?! Мне плевать, сколько твоих погибло! Просто отправь еще и побольше! Выполняя приказ, или всем вам, мелким ублюдкам, сильно не поздоровится! Ясно?

– Да, большой человек, – грустно согласился старый гoblin.

– То-то же. Чтоб к следующей нашей встрече все было сделано, тупой уродец, – процедил сквозь зубы второй неизвестный, щелчком послав догорающий окурок самокрутки старику в лоб. Люди зашагали прочь из леса. Гоблины неторопливо, точно нехотя, направились куда-то в чащу.

Тут пикси поняла – она уже видела этих людей. Это были двое из трех телохранителей мэра. Те же здоровенные фигуры, те же тяжелые походные плащи, те же квадратные злые лица.

Точно они! Сиилин покрутила головой туда-сюда, глядя то вслед людям, то в спины уходящих гоблинов. За кем же проследить? Телохранителей можно найти в городе, да и как лететь за ними по открытой местности? В лесу следить куда удобнее, а зеленокожих потом не разыщешь, если сейчас их оставить. Решено! Пикси заработала крылышками, догоняя низкорослых гоблинов, почти растворившихся в полумраке среди зарослей.

Отряд уходил все глубже и глубже в лес, но вот деревья стали редеть, а впереди показалась большая поляна, застроенная легкими переносными домиками. Гоблины, нигде не задерживаясь, направились в самый большой вигвам. Сиилин проскользнула вслед за ними, благо в крыше была проделана внушительная дыра-дымоход. Внутри властвовала тень, но пикси на всякий случай подыскала себе более надежное укрытие – за массивным лошадиным черепом, свисающим со стены.

В доме уже сидело несколько пожилых, пестро одетых гоблинов, но самое почетное место – под флагом, украшенным символами племени, – все еще пустовало. Прибывшие воины рассыпались вдоль стен и выжидательно застыли, а старик с криком опустился на трон. Тот, похоже, переделали из какого-то старого стула, но примотанные веревками черепа и разнообразными амулетами на спинке делали его куда более внушительным. Старый гoblin – Сиилин решила, что перед ней все-таки вождь племени, – тяжело вздохнул.

– Правители этой земли гnevаются. Мы не смогли убить их врагов, теперь нам грозят беды. Как быть? Ответь мне, шаман.

– Я испрошу совета у духов леса, – с места поднялся зеленокожий, чью голову венчал череп волка, – может, они чем-то разгневаны, и именно потому не даровали нашим охотникам победу. Шаман вынул из-за пояса деревянную стрелу, украшенную причудливой резьбой, затем поднял глаза кверху, словно ища совета у неба, видневшегося в дымовом отверстии. Тут взгляд шамана неожиданно упал прямо на выглянувшую из-за своего укрытия пикси.

– Духи услышали нас! – гoblin вытянул вперед руку с зажатой в ней реликвией. – О, дух леса, окажешь ли ты нам милость, благословив эту стрелу? Ждет ли наше племя удача и успех в делах, задуманных нами? – он выжидательно посмотрел на фею.

Влекомая neodолгим любопытством вкупе с предчувствием чего-то интересного, Сиилин вылетела из своего укрытия и невозмутимо уселась на ритуальную стрелу верхом.

– Духи благословляют нас! – шаман поднял стрелу с пикси над головой. Гоблины разразились восторженными криками.

– Стойте, я хочу говорить с вашим вождем! – очень важно произнесла Сиилин на лесном наречии. Фея не могла упустить случая побыть «великим духом».

– Да, о дух, – вождь гоблинов поклонился. – Я внимаю тебе. Приказать остальным удалиться? Хотя никто, кроме меня и шамана, все равно не знает священного языка.

– Пусть остаются. А я хочу понять, зачем твоему племени нужна моя помощь. Вы ведь не из этого леса, что привело вас сюда?

– Духам ведомо все, но я отвечу. Еще пять лет назад наше племя было многочисленным и могучим, мы жили на побережье, в неприступной каменной башне. Все вокруг трепетали при имени Громоклык! Но потом люди, утраченные нашей мощью, неспособные справиться сами, призвали великих героев, среди которых явился огромный кентавр. Они убили лучших наших бойцов, ворвались в башню, истребляя всех на своем пути, и засели там. Выжившие, собравшись с силами, пошли на приступ, но потерпели неудачу. У племени не было больше крепкого убежища, воинов почти не осталось. Нам пришлось уйти с побережья в глубины лесов и основать новую деревню здесь. Удалось даже договориться с правителями этих земель, и племя больше не тревожили. Все шло хорошо, мы выполняли то, о чем нас просили, и жили спокойно. Но пару дней назад к нам вновь пришли посланцы. Мне велели принести головы пятерых человек, прогневавших правителей. Против нас пошлют ратников и прогонят, если этого не сделать, – гoblin несколькими фразами описал пришествие, которых требовалось

убить. Сиилин совсем не удивилась, узнав в этом описании новых баронов. – Посланники предупредили, что четверо из пяти врагов будут сегодня в лесу. Я отправил десятерых охотников во главе с могучим Харагом. Этого оказалось недостаточно, все они погибли. Но теперь, с твоим благословением, дух, победа от нас не уйдет. Наконец все вернется на свои места!

– Чушь! – громко и очень недовольно заявила пикси.

– Что ты имеешь в виду, о великий дух?

– Вы не должны убивать пятерых пришельцев! Хватит слушать этих так называемых правителей. Я дух удачи, и если вы хотите сохранить мое благословение, то делайте по-моему.

– Но как нам тогда поступить? Как не потерять новый дом?

– Пока притворитесь, будто пытаетесь выполнить задание. Но даже не вздумайте на самом деле заниматься им! Вас никто не накажет и не прогонит, я позабочусь об этом.

– Да, о великий дух удачи, – вождь склонил голову в почтительном жесте.

– Вот и замечательно. Ждите моего возвращения, не унывайте, теперь все ваши трудности позади, – фея вспорхнула со стрелы. Сделав круг почета над головами старейшин гоблинов, она полетела прочь из хижины.

У проказницы Сиилин уже начал зреть план, как выручить гоблинов, заодно проучив коварного мэра с подельниками. Осталось только решить, кого из баронов можно поставить в известность о замысле, чтобы поручить кое-какую работу. Но в любом случае получится отличная шутка! Пикси взмыла над макушками деревьев и на максимальной скорости, доступной маленьким крылышкам, устремилась в замок.

Интерлюдия 3. Подвиги во имя любви

– Как я могу устоять перед мужчиной, перед которым не устоял дракон?

Из свадебной речи девушки Мерседес.

Гилберт с треском пробирался через бурелом. Щит отца, который хоть и помогал проламываться сквозь заросли, с каждым шагом становился все тяжелее. Волосы слиплись от пота, дрянной стеганый дублет, купленный сегодня утром в «Железной свинье» взамен великолепной фамильной кирасы, натирал подмышки, сдавливал грудь, а поясницу, наоборот, открывал потокам ночного холода и клинкам врагов.

Это не умаляло радости юноши. Леди Клодия, прекраснейшая из женщин, подарила ему ночь любви. Что могло означать лишь одно – девушка желает лицезреть Гилберта в качестве своего мужа. Мужа! Слово приятно ласкало самолюбие, воображение рисовало восхитительные сцены. Вот он ввозит стыдливо опустившую глаза, покрасневшую Клодию в ворота старого, но ухоженного Эйнхандера. Вот мама вежливо, церемонно, как подобает леди, приветствует будущую невестку, а Гилберт, пряча улыбку, видит ее радость, умело скрытую под маской чопорных манер. Радость эта вполне уместна – избранница сына не только хороша собой, умна, но и богата. Она баронесса, не чета замухрышкам, готовым на все ради переезда из своих лачуг в настоящий замок. Конечно же, Клодия поладит с мамой и сестрой, конечно же, Гилберт найдет средство выкупить фамильные земли, и вместе они будут жить долго и счастливо... Но все это необходимо заслужить. Роскошное кольцо с изумрудом, купленное в магазинчике «Самое необходимое» (Гилберт даже не пытался представить, как оно туда попало) на вырученные от продажи отцовского доспеха деньги, уже лежало в кармане, заботливо укутанное в шелковый платок. Оставалось совершить подвиг: любой знает, недостойно рыцаря просить руки дамы, не совершив перед этим подвига в ее честь. Юноша вознамерился посвятить Клодии победу над лесными тварями из числа наиболее опасных. В таких случаях рекомендуется сразить дракона, а лучше, для верности, двух, но они, как известно, давно вымерли.

Гилберт насторожился, затем бесшумно – насколько позволял громоздкий щит – спрятавшись за древесный ствол. В лунном свете на поляне резвились два гоблина. Не драконы, к сожалению, но лучше, чем ничего. Судя по всему, у мерзких существ как раз начался период брачных игр. Одета в пестрые обноски самка, являя собой гадкую пародию на человека, игриво убегала от более крупного самца, на котором было лишь подобие набедренной повязки и какие-то грязные шкуры и перья. Гилберт удовлетворенно окинул взглядом мощный торс, широкие, даже по людским меркам, плечи зеленокожего – монстр явно мог стать достойным противником. Юноша, не колеблясь ни секунды, обнажил меч, выступив из-под сени деревьев.

Гоблин бросился к висящему на ветке кинжалу в ножнах, самка пронзительно закричала. Крик этот поразительно напоминал женский – так же, как крик горной пумы, в охоте на которую Гилберту довелось однажды принимать участие. Юноша позволил сопернику завладеть оружием, хотя мог легко зарубить его. Но это уже не было бы подвигом.

Чудище, сжимая холодно поблескивающий клинок (наверняка украденный или даже снятый с убитого путника), атаковало первым. Удар оказался настолько яростен и быстр, что Гилберт не успел закрыться щитом – рука изрядно устала, мышцы одеревенели. Лезвие, легко рассекшее стеганку, оставило на груди длинный рваный глубокий след.

«Теперь гадина от меня не уйдет», – отстраненно подумал Гилберт, стараясь не обращать внимания на боль и внезапно навалившуюся слабость.

Вспомнив свои многочисленные упражнения, представляя на месте гоблина тренировочный манекен, он отвел руку с мечом, выполнил простенькое обманное движение и нанес укол

в живот. Урод, видимо, обрадовавшийся своему успеху, рассчитывавший смять противника первым же натиском, не смог ничего противопоставить маневру Гилберта и осел, конвульсивно хватаясь лапами за лезвие, глубоко вошедшее в плоть.

Второй гоблин завизжал уже совершенно дурным голосом, то ли пытаясь напугать, то ли от ужаса. Затем чудовище, развернувшись, устремилось в лес. Молниеносным движением Гилберт поднял выпавший из замерших лап противника кинжал и метнул его в удаляющуюся спину самки. Та споткнулась, чуть не упав, но, очевидно, страх придал ей сил – она удержалась на ногах. Тварь скрылась в кустах, но с клинком в спине ей будет сложно уйти далеко и тем более привести сюда остальную стаю. Гилберт пошатнулся и, волоча за собой тяжеленный щит, который в итоге ему не пригодился, отправился в обратный путь. Рана кровоточила, грудь горела огнем, но мысль о ждущей в замке Клодии придала сил.

– День 1 апреля года 1827 от основания великого королевства Арагон.

Интерлюдия 4. Потерянная удача

– А тех, кто плохо себя ведет, люди хватают и утаскивают в поля.

Лесная гоблиница непослушному гоблиненку.

Силы покидали Шауту вместе с кровью, обильно вытекавшей из нанесенной кинжалом раны, но страх гнал ее вперед. Ужасный человек убил Кетха, любимого Кетха, убил его так же стремительно и безжалостно, как убивает лесная кошка. В затуманивающемся сознании Шауты всплывали полузабытые страшные истории о людской жестокости, злобе, кровожадности. Дочка шамана никогда не верила в эти рассказы: ведь духи даровали разум человеку племени (такой же, как и народу Хоб), а наделенный разумом не отнимает чужую жизнь из пустой прихоти.

Приходилось, однако, согласиться – истории не лгали. Ах, зачем, зачем Шаута послушалась отца, запретившего ей приближаться к границе леса! Она, конечно, прекрасно знала ответ. Если бы Шауту увидели вместе с Кетхом, молодых хобов ждали бы серьезные неприятности. Сначала родители должны были договориться о размере приданого и куче других, маловажных на взгляд влюбленных, вещей. С обычаями не шутят, тем более красавец Кетх был сыном вождя. Был. Был... Слово пульсировало в голове, словно разрывая ее изнутри, во рту ощущался металлический привкус крови. Нога Шауты попала в барсучью нору, девушка сдавленно вскрикнула и упала ничком. Сил подняться у нее уже не нашлось.

Вождь Гетханаар сидел на своем троне в опустевшем вигваме, его рука, морщинистая, покрытая старческими пятнами, сжимала меч. Несмотря на возраст, вождь все еще был лучшим воином племени. В понуrom взоре Гетханаара растерянность постепенно сменялась холодной решимостью. Хирхир, шаман, сидел напротив, за тлеющими углями очага, бесстрастно покуривая трубку. Спокойствие шамана вызывало у вождя непонимание и раздражение.

– Так значит, Шаута умерла? – с расстановкой проговорил Гетханаар. – Людям оказалось мало моего сына. Дух удачи солгал нам.

– Я вижу, что ты задумал, – шаман ответил на вызывающий взгляд вождя и не отвел глаз, – но сейчас нельзя сражаться. Время для мести еще настанет, мы сможем расквитаться с ними за все. Духи открыли мне это. Если теперь хобы поднимут оружие против людей, племя ждет суровые испытания. Лучшие воины погибнут, а тебя, вождь, сразит мечом женщина...

– С меня довольно лживых пророчеств и обещаний! – Гетханаар вскочил с трона, разметав ногами догорающий очаг. Вождь встал перед Хирхиром во весь свой весьма внушительный для хоба рост. – Человек убил наших детей, завтра придут следующие и довершат начатое! Я остановлю их, даже если ты не хочешь помогать, старик! И посчитаюсь с убийцей. Шаута сказала, на его щите был единорог...

Шаман проводил глазами обреченного, он знал это точно, вождя. Снаружи раздался звук большого барабана, созывающего воинов. Печально поворотив концом посоха кострище, Хирхир плотнее закутался в свои одежды. Вокруг заметно похолодало.

– Я не смог остановить его, о царица духов. Гетханаар жаждет мести. Наше племя не примет участия в твоей войне.

Внезапно налетевший порыв ветра запорошил пеплом лицо шамана. Подумав недолго над смыслом этого, несомненно, посланного духами знака, Хирхир поднялся и, прихрамывая, направился к выходу. У него оставалось не так много времени на подготовку к долгому переходу, который вскоре предстояло в очередной раз совершить племени Громоклык.

**

Первым, кого я увидел утром, была Фессаха. Кошка безмятежно посапывала у меня в ногах. На ней не осталось и следа от кроваво-грязной корки, покрывавшей вчера ее шерсть, блохи тоже куда-то исчезли. Зато появился странный длинный шрам на левом бедре. Совершенно непонятно, откуда он взялся – память упорно отказывалась намекнуть, какое оружие или зверь могли оставить такой след. Надо обязательно расспросить ее, когда проснется. Хорошо хоть, вернулась. Привык я к ней как-то.

Позавтракать я решил в саду. По моему приглашению к трапезе присоединилась Эви-страйя. Пока она дичится меня, молчалива и задумчива, но, надеюсь, мне еще представится случай растопить лед наших отношений. Все-таки я не чурбан какой-нибудь! Отец потратил весьма солидную сумму на мое воспитание, и на светских раутах (в том числе столичных) мне удавалось не ударять в грязь лицом. Танцы, галантная беседа, правила хорошего тона, требующие от мужчины предложить, а от женщины, пококетничав, согласиться, – все это мне знакомо.

После завтрака я, снедаемый любопытством, растормошил Фессаху. Кошка якобы просто решила вчера немного погулять в лесу, а шрам на бедре – последствия неудачного прыжка рядом с острой веткой. И что с ней будешь делать? Ладно, наказывать рабыню причин нет.

Гилберт до сих пор не возвратился. И вот где его прикажете искать? Не пойму, весна на них с кошкой так действует, что ли?! Поспрашиваю в Риовейне, может, причина гораздо прозаичнее, например, паренек захотел познать радости плотской любви. Пора уже. Ладно, пускай его.

Поэтому чуть за полдень мне пришлось самому съездить в город за швеей для Саффи. После того как неизвестные бандиты ограбили ее номер, у бедняжки совершенно нет денег, и я сам заплатил мастерице. Признаться, это меня слегка разорило, но отказать девушке я не мог.

**

Клодия задумчиво шла через замковый двор, залитый прощальными лучами солнца. Она только сейчас закончила ревизию помещений, сада и даже горячих источников под стеной, обустроенных в полноценную купальню. Присланные мэром «уборщики» поработали совсем не плохо, но вместе с пылью исчез лишь верхний пласт проблемы под названием «Старый необжитой Штейн».

Привести в более-менее пристойный вид успели второй этаж, где расселились бароны с гостями, да приемный зал с парадной лестницей. Немало. Но недостаточно.

Подвалы Кайт порекомендовал покуда не трогать, намекнув на какие-то странности, якобы случающиеся там, о чем простым людям знать вовсе не обязательно. Клодия не спорила с мажордомом. После нескольких находок, будто случайно попавших в руки наследников, она готова была предположить присутствие в замке привидений, домовых или любой другой нечисти.

Ну, одна-то пикси точно имелась. С нее все и началось.

**

Сиилин притащила откуда-то забавный шлем наподобие головы попугая с гребнем из перьев. Бедняжка от натуги покраснелась, напрягая силенки, ее крылышки басовито гудели, волосы растрепались, но бросать ношу она не желала. В итоге фея принялась истошно вопить, требуя подмоги. На крик явились Айден и, собственно, Клодия. Маг безмерно заинтересовался находкой подруги, по его словам, шлем представлял собой склад различных языков. «Не склад, а клад! – поправила колдуна Сиилин. – Будешь носить его с собой! Но заруби на носу – он мой!» Пикси пригладила перья на шлемовом гребне и запихнула свое приобретение в айденовскую сумку. Тот обреченно вздохнул. Нарочно, скорее всего, ведь его кошель явно был из тех «бездонных», о которых мечтает всякий путешественник.

Фея согласилась показать, где наткнулась на «сокровище». В покои супруги Ларса заглянул каждый, но никто не решился жить там, даже задержаться на экскурсию. Тяжелый воздух, строгие холодные интерьеры комнат, полумрак. Ну откуда бы здесь взяться нелепому попугайскому шлему?! Однако вот у ростового зеркала в причудливой раме стояла метла, испуская еле заметное магическое свечение, а на столике рядом лежало кольцо с эмблемой Штейнов. В тонком ровном слое пыли виднелась дорожка, там, где Сиилин волокла артефакт. Клодия аккуратно прошла по следу, взяла украшение, метлу и вернулась. Комнаты заперли.

– Теперь ты как взыравшая ведьма начнешь летать голой при луне и хохотать по ночам, а также участвовать в оргиях, – сообщила Сиилин и устрашающим шепотом добавила: – Только не смей привлекать к этому моего Айдена!

После открытий, сделанных пронырливой феей, кладоискательский азарт в той или иной степени захлестнул всех. В авантюре поучаствовали даже гости.

Саффи, игнорируя протесты пикси, требовавшей выставить «эту дурацкую потаскушку» за ворота, приняла приглашение Сореала. Несмотря на кажущуюся перспективность этого союза, его достижения свелись к двум очень условно примечательным находкам – пачке писем Ларса и старенькой лютне с лопнувшими струнами. Зато, судя по довольной физиономии Сореала и легкому румянцу на щеках Софии, они преуспели на ином поприще. Наверное, предметы валялись в спальне де Монте, в которой парочка задержалась.

Айден удалился в верхние этажи, где мог всласть повздыхать, бросая печальные взгляды на чащу Черного Леса, скрывающую родное поместье. Лелеять тоску по дому, покинутому чуть больше суток назад, магу активно мешала фея. Сиилин вовсе не собиралась прощать постыдный эпизод с участием «рыжей стервы». Она надсаживала свой голосок, укоряя питомчика за распутство, и дергала его за вихры. Впрочем, пикси быстро надоело морализировать. Нравовучения все чаще перемежались с энергичными поисками разнообразных укромных мест, где, по мнению Сиилин, должны были водиться «интересности». Волшебнику приходилось то отворять массивную дверь, то разворачивать чей-нибудь мраморный бюст, то нажимать на факельное крепление. Вследствие этих манипуляций в ручонки Сиилин попала диадема с рубинами (которую та, как ни примеривалась, не сумела подогнать по фигуре) и статуэтка козлика.

Едва пиксячьи глазки увидели скульптурку, а умишко проник в хитросплетения заклатья, фею уже не волновали никакие сокровища. Отобрать игрушку силой Айден побоялся – Сиилин пригрозила испытать действие артефакта на нем самом. Стоило произнести ключевое слово, и несчастный, коснувшийся витых козлиных рожек или курчавого бока, превращался на несколько часов в обыкновенного скота, вонючего и тупого. Чародей поспешил признать права подружки на истуканчика и спрятал его в сумку. Украшение же Сиилин хотела сломать, чтобы заполучить кусочек, похожий на гребешок, но тут маг воспротивился. Портить диадему – значило уничтожить наложенное на нее заклинание. Хотя серебряный венец тончайшей работы был прекрасен даже без заключенного в нем могущественного волшебства – в холодном блеске металлической вязи, точно осенние листья в заиндевевшей траве, рдели семь рубинов. Изготовленная на острове Фаэрлин, погружившемся в океанскую бездну тысячу лет назад, диадема отклоняла от хозяина самые ловкие, сильные и неожиданные удары. К сожалению, предмет мог защитить всего семь раз, не делая различия между молниеносным выпадом мастера меча и булыжником, брошенным мальчишкой. Похоже, Ларс фон Штейн воспользовался охранительными чарами четырежды: лишь три камня лучились ярко-алым, прочие напоминали помутневшие глаза дохлой рыбы. Но если потом заменить рубины жемчужинами или хрусталем, украшение превратится в символ ранней весны, юности, невинности, особенно в иссиня-черных волосах... Маг уже раздумывал, как подарит оберег Саффи в знак примирения, но, услышав очередной пассаж феи про «грязную шлюху», решил отдать диадему Клодии. Вроде бы против нее Сиилин пока ничего не имела.

К радости Айдена, больше им ничего не попало. Хватит и козла!

Раздосадованный Отэк, единственный, по его собственным словам, бездарно потративший время, рыскал в подземельях, невзирая на предостережения Кайта. Вылез он оттуда лишь к позднему вечеру, весь в паутине и пыли.

Ну а Шаод предпочел захватывающим исследованиям прогулку в Риовейн. То ли он побоялся ворошить секреты замка, то ли запланировал посетить местные лавки, а может, кто-то из горожанок ему приглянулся.

Клодия хозяйственно совместила приятное с полезным, занявшись осмотром убранных помещений. Но ее внимание к происходящему померкло, едва рыцарь Джон галантно предложил свою помощь: они рассеянно бродили по коридорам, заглядывая изредка в комнаты и забывая про традиционные тайники вроде ниш за коврами, выдвижных кирпичей и фальшпанелей. Их добычей оказался набор красок, случайно обнаруженный на столе в библиотеке. Назначение проявилось сразу же – Клодия макнула палец в один из цветов, на первый взгляд высохший, и изобразила на крышке ящика листок. Каково же было ее удивление, когда рисунок оторвался от поверхности и затрепетал. Ясное дело, продолжить она не рискнула и аккуратно заперла коробку. А Джон заметил, что удивительная шкатулка лежала так, словно неизвестный художник только вчера сидел здесь. Однако, помимо красок, никаких следов пребывания живописца найти не удалось.

Наступил логический момент наконец выяснить у Кайта Сиды, не облюбовало ли замком, к примеру, семейство кобольдов. Когда девушка обратилась к нему, тот даже глаз не поднял от шахматной доски, точно заготовил ответ заранее. Мажордом лишь пожал плечами – мол, комнаты давно стояли нетронутыми, поэтому и предметы лежат, где их когда-то положили хозяева, или, наоборот, вещи откопали уборщики, но присвоить их побоялись – бросили как попало. В общем-то, такая трактовка полностью удовлетворила бы Клодию, если б не нарочитая невозмутимость Кайта.

– В чудесном замке и управитель чудной, – с улыбкой шепнул Джон, подмигнув спутнице.

– Да и владелец – тоже, – кивнула Клодия и тут же поправилась: – Был...

Развить свою мысль или пристрастно расспросить молчаливого дворецкого они не успели: в кухню влетела пикси, а следом вломились остальные.

Крылатая забияка победоносно размахивала диадемой. Похоже, дележ добычи обещал быть весьма занимательным и бурным. Замершая в дверях пунцовая, тяжело дышащая Саффи подтверждала худшие опасения. Девушка запустила в фею пачкой бумаг, которые несла под мышкой. Ничем не скрепленные, письма шуршащим дождем окропили собравшихся, несколько упали в очаг и вспыхнули. На том и завершился акт агрессии.

– Негоже так обращаться с чужими воспоминаниями, – Кайт окинул укоризненным взором притихших скандалисток.

То ли он действительно застыдил их, то ли София оказалась достаточно умна для того, чтобы не затягивать спор. Листы подобрали, и мажордом спрятал их в кухонный шкаф на самый верх. Меж тем пикси, прыгнув с потолочной балки, водрузила диадему на голову Клодии. По словам Сиилин, украшение пришлось отвоевывать – якобы она охраняла интересы благородной дамы, Клодии то есть, от посягательств менее благородной, когда та обманом выманила вещицу у Айдена. Весьма темная история, если учесть заверения самого мага, будто он изначально задумал вручить оберег баронессе. Вероятно, фее захотелось поддразнить Саффи, и она легко нашла способ допечь девушку. Чего стоило ущипнуть ту за ухо исподтишка или плюнуть в нее? В арсенале пусть маленькой, но все-таки женщины есть средства и более изощренные...

К чести Софии надо сказать, что она не раздула угольев скандала, удалившись с поля боя с выражением гордого безразличия на лице. В качестве компенсации она утащила с собой де Монте, не очень-то, впрочем, упиравшегося.

Раздел имущества закончился счастливым воплем Сиилин, усмотревшей на столе ящичек с красками. Предвидя грозящие проблемы, Клодия с Джоном и Айденем ринулись к артефакту, но, конечно, опоздали. Предвкушение будущих шалостей придало фее сил, и она выхватила заветную коробку прямо из-под носа «неуклюжих громил».

– Это честный обмен, Клоди! – крикнула напоследок Сиилин.

Кухню огласил громовой раскат кайтовского хохота. Неудачливые пиксильеры со вздохами потирали ушибленные места, ничуть не одобряя веселья мажордома.

– Может, она забудет про козлика, – с надеждой прошептал Айден.

– *Я не знаю оружия, погубившего больше мужчин, чем женская улыбка.*

Вальдо Ильгерейд, друг и соратник рыцаря Джона.

И вот баронесса, не торопясь, ступала по растрескавшимся гранитным плитам и, покусывая палец, расширяла в уме список неотложных дел в замке, напоминающий ей огромный снежный ком, катящийся с горы.

Вдруг ход ее размышлений прервался: на ступенях перед парадным входом она заметила кровь. Клодия обернулась – красная неровная дорожка тянулась через весь двор от самых ворот. Несчастье! Но с кем? Девушка бросилась внутрь. У раненого достало сил подняться на второй этаж, там след уводил в первую же никем не занятую комнату. Дверь оказалась приоткрыта. Клодия сначала аккуратно заглянула в щель, памятуя о вчерашней гостье (мало ли кому еще пришлось в голову навестить заброшенный замок!), а в следующий миг порывисто втянула воздух, прошептав: «Что же ты наделал?!»

На старом скособоленном диване лежал Гилберт. На нем был незнакомый потрепанный доспех, разрубленный на груди, а в кулаке он продолжал сжимать оружие. Едва минутное оцепенение прошло, баронесса решительно направилась к юноше. Долг пересилил страх, дрожь из пальцев ушла. Сноровисто подготовив все необходимое – за водой и лекарской сумкой пришлось бежать к себе, – Клодия высвободила занемевшую руку Гилберта из креплений тяжеленного щита (ох уж эти родовые реликвии, будь они неладны!), забрала меч и принялась за куртку, которую, не жалея, буквально срезала, стараясь не потревожить рану.

Через час Клодия уже мыла инструменты, периодически бросая тревожные взгляды на пациента, который все еще не пришел в себя. Девушка опять и опять благодарила старую Грейс, научившую ее, в первую очередь, не терять самообладания ни при каких обстоятельствах, – пока разум метался в панике, руки делали свое дело. Жаль, рану нанесли давно и юноша потерял много крови – пришлось даже прибегнуть к магии, выпив почти весь ресурс собственных сил. Наконец баронесса присела рядом с Гилбертом. Краски возвращались на его лицо, дыхание стало глубоким и размеренным; казалось, оруженосец просто устал и прилег вздремнуть. Правда, рядом валялась изуродованная стеганка, щит и окровавленный меч.

– С кем тебе пришлось сразиться? – тихонько пробормотала Клодия, убирая волосы с лица юноши. – Не похоже, чтобы на замок напали, но и на забияку ты тоже не тянешь...

Гилберт неожиданно открыл глаза, несколько раз моргнул, заметил Клодию и схватился за грудь, где теперь красовался ровный шрам.

– Леди... – он замялся, не зная, с чего начать.

– Гилберт, что случилось? – спросила баронесса, мягко толкнув попытавшегося подняться оруженосца обратно на подушки.

– Я... позвольте мне соблюсти обычай! – настойчиво потребовал он и медленно, видно, справляясь с головокружением, сел рядом с удивленной девушкой, а потом опустил перед ней на одно колено: – Леди Клодия, мой род достаточно славен, и его история началась вместе с приходом людей в Леодар, когда в летописях упомянут первый Эйнхандер. Хотя нынче

мое имение заложено, я надеюсь в обозримом будущем выкупить его. Осознаю непоследовательность собственных действий – мне нужно было бы сначала решить проблемы с деньгами, а потом уже – с чувствами, но над любовью никто не властен, – Гилберт достал из кармана шелковый платок и развернул его, явив ошарашенной Клодии кольцо с изумрудом, вправленным в изящный венчик золотых лепестков: – Я прошу вас стать моей женой.

Украшение заняло свое место на пальчике изумленной баронессы, она переводила взгляд с чудесной зеленой искры на руке на вдохновенное лицо юноши и не находила слов. Пожалуй, впервые девушка, привыкшая к ветреной скоротечности гаремных симпатий, столкнулась с настоящим чувством. Она запоем слушала и читала легенды об истинной любви, видала не раз страдания гаремных девиц – хотя до конца не доверяла их метаниям, зачастую, по ее мнению, показушным, – но не думала, будто таинственная эмоция возникает так... быстро? Внезапно? При подобных обстоятельствах? Понимая, что нельзя молчать, нельзя оставлять мальчика в неведении относительно собственных, пока довольно легкомысленных, эмоций и нужно открыть ему, кого он на самом деле хочет взять замуж, Клодия смогла лишь пролепетать:

– Но, Гилберт...

– Баронесса, простите мне мою дерзость и столь недостойный обручальный дар, но я постарался искупить сие свершением подвига, – юноша гордо вздернул подбородок и повел раскрытой ладонью в сторону доспеха и оружия: – В вашу честь сражены две нечестивых зеленокожих твари. Впрочем, меня не оставляет надежда почтить ваше имя еще не одним славным деянием!

– Но зачем? Мне не нужна ничья смерть, – девушка растерянно подняла брови, потом нахмурилась, метнула испуганный взор на обгаренный кровью меч и уточнила: – Это ритуал? Так принято? Отнимать чужую жизнь, дабы создать семью и подтвердить любовь?

– Леди, это древняя традиция, которой следует придерживаться всякому уважающему себя и свою даму рыцарю. Уж вам ли не знать, Клодия? – юноша отвечал, словно читая по написанному, а в конце неуверенно улыбнулся, не понимая, почему баронесса задает такие странные вопросы.

– Ох, Гилберт! – до девушки, в конце концов, дошло: оруженосец вряд ли посвящен в «тайну» происхождения каждого новоиспеченного барона фон Штейн, а ее секрет пока не разгадал вообще никто.

– Это мне следует извиниться! – Клодия сняла с пальца перстень и вложила его в ладонь юноши (он так и застыл с протянутой рукой и недоумением в глазах). – Нам следует объясниться, – похлопав по дивану рядом с собой, она дождалась, когда он сядет подле, и продолжала: – Гилберт, не заблуждайся, пожалуйста, на мой счет, не льсти мне. Я по чистой случайности получила титул, на самом деле мои происхождение и образование лишены благородных черт вовсе: родители – крестьяне, мои воспитатели – гарем, хозяин-барон и старая лекарка. Перед тобой бывшая одалиска, которой повезло. Полагаю, твои папа и мама не обрадуются такой невестке, – Клодия усмехнулась и приложила палец к губам собеседника, заметив поднимающийся в нем протест: – Сейчас ты скажешь – тебе все равно. Положим. Меня-то совершенно не волнует ничья родословная. Но, увы, это не все и не главное. Важнее, что ты воспламенен чувством после того, как я бесцеремонно вломилась к тебе этой ночью под действием колдовских чар. Вчера я имела неосторожность примерить один магический артефакт, влияние которого и привело меня в твою постель. Ты мне симпатичен, очень, но я пока не готова сказать «люблю» или сковывать себя брачными узами.

Клодия сложила руки на коленях, внимательно воззрившись на Гилберта. Того подобная откровенность поразила как молния: он оторопело смотрел на кольцо, будто не понимая, как эта вещица попала на его ладонь. По крайней мере, баронесса истолковала его молчание

именно так. Она закусила нижнюю губу, потупилась, готовясь к неприятной отповеди уязвленной гордости, но юноша, справившись с первым шоком, улыбнулся:

– Тем не менее кольцо ваше, леди, и позвольте мне избрать вас дамой сердца. Возможно, позднее вы примете мое предложение (нет, я не забираю слов обратно), сочтя меня достойным, – он вскочил на ноги и поклонился.

– Милый, – Клодия ощутила комок в горле и прижала похолодевшие враз ладони к пылающим щекам, – повремени. Помнить я буду и без подарка. Тебе сейчас важнее вернуть доспех. Правильно? Ты заложил свою великолепную броню для... – она замолчала, выжидая ответа.

– Но... да, но мне достаточно и этого, – Гилберт неуверенно указал на растерзанный кожаный хлам.

– Нет, рыцарь не может совершать подвиги в обносках. Кираса в «Железной свинье»? – улыбаясь, спросила Клодия и, получив утвердительный кивок, поднялась, закрывая гилбертовский кулак с перстнем: – Завтра мы уладим это дело.

Девушка выбежала из комнаты, боясь жара, залившего щеки и распирающего грудь. Неужели это любовь? Или просто желание; возможно, маска продолжает толкать ее на необдуманные поступки? Клодия решила немного остыть и поспешно направилась в сад. В дверях она с разбега ткнулась в широкую грудь сэра Джона. Рыцарь, смеясь, подхватил перепуганную, едва не рухнувшую наземь девушку.

– Леди, надо быть аккуратнее! Вы же могли разбить ваш прелестный нос или заработать синяк на лбу, – с напускным укором выговорил он ей. – Дайте я посмотрю...

Джон развернул баронессу, онемевшую от неожиданности, подставив ее лицо лунному свету, и склонился над ней, участливо бормоча уверения, что такой шишки он еще не видел у хорошенькой девушки. Наконец Клодия очнулась и отпрянула из объятий рыцаря, ощупывая лоб.

– Нет у меня никакой шишки! – гневно крикнула она, а в следующую секунду уже хохотала вместе с Джоном, который вновь приблизился к ней. – Не подходите, насмешник! Ну надо же!

– В этом саду можно заблудиться. Будете аукать до утра, но никто не явится на помощь. Станет страшно и зябко, – Джон взял баронессу под локоть. – Предлагаю прогуляться вместе. Я вижу в темноте так же хорошо, как днем! Ох, ты ж! – рыцарь, галантно обводя Клодию мимо пня, чуть не свалился в яму, вызвав очередной приступ смеха у обоих.

– Хорошо, разрешаю вам сопроводить меня, – девушка сделала шуточный реверанс.

Их голоса постепенно удалялись вглубь сада, а угрызения совести в голове баронессы притуплялись с каждым шагом. Белый рыцарь, голубоглазая мечта любой женщины, успешно разгонял их, словно ветер – тучи с неба.

Гилберт же какое-то время сидел на диване, перекатывая в ладонях кольцо, потом взвалил на себя останки доспеха, оружие, бережно взял забытый Клодией набор инструментов и лекарскую сумку и, задумчивый, отправился к себе, лелея в глубине души надежду.

Мой оруженосец явился уже за полночь. С поношенной искромсанный курткой под мышкой, весь всклокоченный, с внушительным шрамом на груди и ужасно расстроенный. Мда, Гилберта поразила самая непредсказуемая и загадочная из болезней – он влюбился. Избранницей моего оруженосца стала Клодия. Он продал свою кирасу, чтобы приобрести обручальное кольцо, даже успел совершить подвиг в ее честь (еще пара гоблинов в лесу расстались сегодня с жизнью). К сожалению, герой уже объяснился со своей дамой сердца, и вот – вернулся мрачный и подавленный, получив отказ. Хорошо еще, Клодия сделала это достаточно мягко. Я тоже малость побеседовал с Гилбертом, попытался утешить его, но раны душевные, как известно,

лечит только время. Доспех юноши баронесса обещала выкупить у Леонарда, благо с переездом кузнеца в замок уладить этот вопрос будет гораздо проще

Еще этим вечером мне удалось-таки пообщаться с нашей незваной эльфийской гостьей. Я, наконец, извинился перед ней за грубую попытку прервать ее песню. Мы вдосталь побеседовали. Эвистрайя мудра, но на нее наложил отпечаток дух смирения и фатализма, так присущий ее народу. Несмотря на то что эйраи были противниками людей, когда мы пришли в эти земли, мне печально видеть такой упадок некогда великой расы.

Кое-что из услышанного достойно хроник – я позволю себе полностью записать его в свой дневник так, как запомнил.

**

В незапамятные времена боги явились нашим предкам. Они пересекли небесный свод на своих остроносых блистательных ладьях и сказали: «Народ эйраи, мы призываем вас встать рядом с нами в грядущей битве». И старейшины ответствовали им: «О боги, вы обладаете безграничной силой, ваши враги под стать вам. Можем ли мы сражаться с ними? Но обещаем – те из нас, кто переживет эту войну, будут петь для вас каждую весну на восходе второй луны». В те времена род богов был многочислен и надменен, эстарийские божества воевали с человеческими, ибо небеса не вмещали их всех. Распри прекратились, когда из-за верхнего края небесного свода явились Дра-Уг-Ла, племя звездных великанов, а из-за нижнего края устремились во владения богов Фин-Да-Йа, ужасные чудовища, порожденные тьмой-за-пределами-всего. И грянула великая битва, изменившая рисунок созвездий, иссушившая моря, расщепившая горы, и наступил закат славного божественного рода; но эйраи держат данное старейшинами обещание.

Те, кто уцелел под огненным градом обломков, падающих с небес, укрылись в Благословенных Землях – их почти не затронули разрушения. Они жили здесь до тех пор, пока могучие вожди людей, братья Арагон, Ксандр и Катрион, не пересекли Эрбек с холодной сталью в руках и своими народами за спиной.

Тогда этими землями правила Царица Бурь, не божество, но тень божества, низвергнутая с небес в обломках своей боевой колесницы. Ведомые ею кланы эйраи вышли на битву с людьми в Золотые Поля и под звуки элионов сразились с пришельцами. Но Арагону и его братьям пришли на выручку герои – спустившиеся со звезд дети богов, обладавшие безграничной силой. Царица Бурь пала, эйрайские воины были разбиты.

**

Вот такой рассказ. Интересно, какие из этих событий давнего прошлого моя новая знакомая застала сама? Впрочем, спрашивать подобное совсем невежливо, поэтому если и узнаю ответ, то случайно. А теперь спать.

– День 2 апреля года 1827 от основания великого королевства Арагон.

– Да, ты можешь пожелать все что угодно. Но учти: если желание мне не понравится, я отрублю тебе голову.

Ифрит Джанулбизар своему вызволителю.

Как же неудобно держать перо, когда руки так изменились. Странно, что я вообще способен еще писать. Но обо всем по порядку.

Во время давешнего визита в подземелье замка Отэк обнаружил вычурную медную лампу, но предпочел утаить ее. Как вещь попала в Штейн? Прибыла ли она в седельной сумке барона Ларса, либо оправдались подозрения Клодии относительно нечисти, якобы облюбовавшей наши подвалы? Теперь уже не важно. Многие в детстве заслушивались солярийскими сказками о джиннах, за доли секунды возводящих дворцы, превращающих камни в золото

и исполняющих заветные мечты в благодарность за освобождение. Вероятно, слышал их и северянин. Только вот пленником его лампы оказался зловредный демон, заточенный туда вполне заслуженно, я думаю.

Создание, принявшее облик бесстыдно одетой девки, предложило ему – и чуть позже всем нам – выполнить одно желание, ответить на один вопрос, вытащить сколько угодно карт из некой Колоды Судьбы. Представилась она Камиллой.

Отэк сразу вытянул карту – конечно, роковую, – вызвав агрессивного ожившего мертвеца. Северянин, скорее всего, погиб бы, зарубленный нежитью, но тут подоспели мы. На счастье незадачливого кладоискателя, я завтракал в саду с Айденем (и, разумеется, Сиилин), а Клодия выглянула в окно, перепуганная жутким лязгом оружия. Поэтому заметить странную суматоху на площадке одной из башен, куда Отэк унес свое сокровище, не стоило большого труда. Я тотчас же «убил» воинственный труп и получил, таким образом, собственного восставшего из могилы противника. Ифритка веселилась, подначивая нас. Эта битва могла продолжаться долго, исход ее был туманен, но Клодия потратила свое желание на правое дело – спасла нас от умертвий.

Как ни прискорбно, но мы охотно поддались на уговоры Камиллы: нагадывали и наспрашивались от души, вытянули довольно много карт. Отэк пожелал некоей женщине победы в какой-то войне на своей родине, пикси зло пошутила, поменяв на пару дней пол едва ли не всех обитателей баронства. Я захотел стать сильнее и способным одолеть любого врага. Лишь Айден мудро воспротивился искушению, однако нас разубедить он не сумел.

Не знаю, как отзовется желание следопыта, меня же мразь превратила в огра. Добрую половину жизни я боролся с подобными монстрами, а теперь стал одним из них. Слава богам, мне удалось сохранить рассудок. Ну и на фоне остальных огров я настоящий красавец, хотя это сомнительное утешение.

Прихоть Сиилин демонице даже не пришлось коверкать: город в панике, на улице полно бородатых женщин – исполнительница подошла к делу с изрядной долей формализма, жители толпами валят к знахарке. Джессика, впрочем, уже разобралась в чарах, прикинула, когда именно колдовство потеряет силу (надо отдать должное нашей ехидне с крыльями – ее затеи трудно назвать безобидными, но непоправимых гадостей она пока не делала), и теперь радостно продает зелье, которое «точно вылечит вас за два-три дня».

О том, что шутка феи сработала как надо, мы поняли не только по своему внешнему виду, но и по страшному реву, донесшемуся со стороны Риовейна. Это злосчастный Вальдо, третий день погрязавший в разврате, обнаружил себя за занятием, недостойным настоящего мужчины: он лобзал подтянутый животик юного красавчика, в которого обратилась служительница любви. Ну а потом негр заметил перемены к худшему в собственном теле...

Давно Вальдо не бегал так резво. Кое-как замотанная в простыню черномазая бабища под оглушительный смех бывших шлюх выскочила из борделя в числе других «клиенток» и устремилась к замку. Во дворе ее ждали две крепкие дамы, получившиеся из сэра Джона и Кайта, – правда, они отнеслись к обращению философски.

Еще оставались вопросы и карты. Я, не скрывая досады, справился, можно ли вернуть мою человеческую внешность, сняв наложенное проклятье. Камилла посоветовала расслабиться и получать удовольствие, поскольку изменения необратимы. Сиилин выяснила, кто пытается свести с ума городского кузнеца. Виновником оказался его подмастерье Кен. Клодия захотела узнать, каким образом можно снять обет безбрачия с Белого рыцаря-пилигрима. Ответ гласил: «Сэр Джон (неужели девушка действительно имела в виду его?) должен всего-навсего найти себе преемника, готового променять маленькие радости обывательской жизни на путь бескорыстного самопожертвования, полный опасностей и потерь». Ну а Отэк наивно поинтересовался, зачем коварное создание играет с нами, ведь никакой выгоды игра ей не при-

носит. Камилла, не смущаясь, заявила, что это просто ее любимое хобби. Развлечение! Вот дрянь!

Карты были еще хуже желаний (могли бы догадаться после драки с трупами!), но мы все равно испытали свою удачу в очередной раз.

Например, Отэк, обуреваемый азартом, не нашел в себе сил остановиться, вытягивая картинки одну за другой. К счастью, Клодия вовремя выхватила колоду из рук ифритки, избавив следопыта от соблазна. Он, кстати, потом ходил за ней и канючил: «Ну еще разочек, ну пожалуйста!» Сама баронесса тоже «сыграла» и вынула явно не козырь, о «масти» которого пока молчит.

Едва магический артефакт очутился у Клодии, демоница взмыла над нашими головами, отклонялась и растаяла в воздухе.

Не знаю, что досталось собаронам, а я вытянул солнечную карту, которая, похоже, позволила моему разуму сохранить ясность, не уподобившись огринуму. Еще одна карта принесла мне волшебный меч, под стать моему новому телу. А вот третья оставила какое-то непостижимо скверное ощущение. Боюсь, она еще проявит себя в будущем. Хотя, казалось бы, куда хуже? Я – уродливая тварь. Как жить дальше? Может, попросту сгинуть в лесу? Нет, это совсем не по-рыцарски. Лучше умереть с мечом в руке, пусть даже в таком отвратительном виде, сражаясь со злом и несправедливостью. Но какой из меня теперь рыцарь?!

Полагаю, Сиилин – единственная, кто извлек из встречи с Камиллой пользу. Говорят, феи могут поделиться с окружающими своей удачей, но вот эта конкретная особь решила приберечь все везение для себя. Посудите сами, имела ли негодница право жадничать, – Клодия ходит мрачнее тучи, я превратился в монстра, Отэк и вовсе тронулся умом. А Сиилин не только повеселилась на славу посредством загаданного желания, но и ухитрилась не вытащить ни одной проклятой карты, хоть тянула, как и я, трижды. Конечно, она не преминула похвастаться перед нами своими приобретениями, среди которых была – подумайте только! – карта визиря-советника. Ох, мне б сейчас не помешал совет, как обрести прежний облик, но я особо не рассчитываю на милосердие феи.

Нет, не верится, что исцелиться действительно невозможно! Просто обязан существовать способ вновь стать человеком! Тем не менее сегодня барон Сореал де Монте погиб, убитый чудовищем, которое сам породил.

Я подарил Гилберту свое старое оружие. Конь Стремительный теперь тоже может пригодиться лишь моему оруженосцу. Попытка освободить мальчика от обязанности прислуживать монстру не увенчалась успехом – он гордо отказался бросать меня в беде. Думаю, со временем из Гилберта вырастет по-настоящему великий рыцарь! Может, я отдал бы ему и свой зачарованный доспех, но волшебный перстень теперь врос в мой палец, а лишиться пальца – значит ослабить хват меча.

Чтобы слегка развеять уныние, ну и проверить обстановку в городе, Клодия предложила разобраться с коварным подмастерьем Леонарда, и мы все отправились за ней. Мне, в общем-то, было все равно, куда идти, тем более, огры идеально подходят для устрашения и насилия. По улицам паникующего, «проклятого» Риовейна мы добрались до «Железной свиньи». Кен как раз укладывал вещи для переезда в кузницу замка Штейн. Заданный в лоб вопрос о том, зачем он вредит своему работодателю, совершенно не смутил подозреваемого – если бы не настырность Отэка и Клодии, я бы поверил в невиновность подмастерья и оставил это дело. Пришлось слегка припугнуть Кена. В итоге он рассказал все.

По его словам, пятнадцать лет назад, в пору катрионской войны, Леонард убил всю его семью, за исключением трехмесячной сестры, которую солдат зачем-то забрал с собой, – мальчик, спрятавшись на чердаке, видел кузнеца в щель между досками. Причем Алиса и не подозревает, что Леонард ей не отец! Когда случилась трагедия, Кену было всего пять лет. Мальчик загорелся мстью, потратив годы на поиски убийцы своих родителей, а найдя преступника,

посчитал – просто умертвить злодея будет мало. Он задумал помутить Леонардов рассудок, заставив поверить в преследующих его призраков. Жажда мести – чувство, которое сжигает дотла, но в данном случае я готов оправдать Кена, вот только подобные методы мне не по нраву.

Посоветовавшись, мы решили свести Кена с Леонардом, предоставив им возможность разрешить свои разногласия лицом к лицу. После эмоционального диалога выяснилось – Леонард ни в чем не виноват. Родных Кена и Алисы убил знаменосец Билли, единственный, помимо кузнеца, ополченец из Штейна, переживший штурм вражеской столицы. Потрясенный гибелью своих друзей в кровавой резне, он решил отвести душу на мирных катрионцах. Леонард не чувствовал за собой права мешать ему, но и не мог бросить осиротевшего младенца на верную смерть. Бывший знаменосец уже три года как оставил мир живых. Поговорив, недавние противники примирились (мда, ситуация походила на представление в шапито, ведь Леонард сейчас – здоровенная бородатая женщина, а Кен – изящная девушка). Алисе не стали ничего не рассказывать. К счастью, хоть эта история закончилась благополучно.

Вообще этот день был насыщен неожиданными происшествиями. Шаод внезапно оставил нас. Он отрекся от титула и прав на манор, якобы подчиняясь зову дороги. Ближе к вечеру в замок заглянула подозрительная парочка – суровый старик в компании чумазого карлика. Они искали алхимика. Похоже, поспешный отъезд Шаода связан именно с этими людьми.

Мэр отменил сегодняшний праздник в нашу честь, сославшись на простуду. Конечно, простуда, ха! Мне противно даже представить эту мерзкую старушеницу, которая сидит теперь в ратуше.

А ближе к вечеру прискакал королевский глашатай. Оказывается, сам Арагон XIII избрал баронство Штейн местом своей ежегодной весенней охоты. Король заявится сюда уже через три дня. Нужно будет спрятаться на время визита монарха. Боюсь увидеть знакомых, да и гвардейцы меня сразу прикончат, если заметят. Единственное забавное пятно во всей этой мрачной картине – нелепое происшествие с гонцом. Седло этого напыщенного индюка осталось на месте, когда лошадь поскакала вперед. Наверное, подпруга лопнула. Очень надеюсь, что у Сиилин достанет ума не шутить так с государем.

Король Арагон XIII, самовлюбленный подросток, кормил множество личностей весьма сомнительной репутации. Двор утопал в возмутительной роскоши. Проблемы же внешней и внутренней политики мало интересовали юного самодержца. Йоргос Билефельд, состоявший в несметной армии вельможных прихлебателей, всецело одобрял подобное положение вещей.

Каждую весну монарх выезжал на королевскую охоту. Эту традицию скучающий юнец завел, когда ему исполнилось двенадцать, и приурочил к своему дню рождения. В этом году он собрался отпраздновать свое шестнадцатилетие с особым размахом... в небольшом баронстве Штейн на восточной границе королевства. Нахлебники предвкушали грядущее веселье.

Незадолго до того Йоргос на пирушке в очередной раз похвалялся своими амурными похождениями. Большую часть этих историй он, естественно, выдумал, а остальные сильно приукрасил, но рассказывал их ну очень убедительно. Слушатели посмеивались, отпускали непристойные шуточки, одобрительно хлопали ловеласа по плечу. Слово за слово, стакан за стаканом, и молодой человек обнаружил, что держит сумасбродное пари. Будто со стороны он наблюдал за собой, заявляющим во всеуслышание: во время охоты, пиров и оргий, которые обязательно произойдут в этом самом баронстве Штейн, когда туда приедет его величество со свитой, он, Йоргос Билефельд, соблазнит двух королевских провидиц, красавиц Вивиан и Лилиан. Суммы, поставленной на кон, у плута, разумеется, не имелось на руках (никогда), но представлялся отличный шанс ее заполучить и промотать. В конце концов, самоуверенность царедворца была небезосновательна...

Достоверно о своих «жертвах» повеса знал немного. Девушки-близняшки являлись личными магическими телохранителями Арагона XIII. Лириан и Вивиан являлись, пожалуй, единственными причинами, благодаря которым венценосный забияка до сих пор оставался жив. Что еще? Род провидиц восходил к основанию королевства, они безоговорочно верны царственной фамилии, их жизненный уклад весьма аскетичен (согласно дворцовым легендам, любое излишество отнимало на какое-то время их дар) ... Неутешительно, однако не стоило забывать – это молодые красивые барышни, которым хочется всего того, чего, как правило, хочется девицам в восемнадцать, а значит, шансы неплохи. О сестрах ходила масса слухов: одни приписывали им тайную развратную жизнь в качестве наложниц Арагона XIII, другие утверждали, будто они и впрямь девственницы. Йоргосу предстояло проверить это наверняка.

Именно поэтому спустя пару дней молодой донжуан ехал в одной из раззолоченных карет, направляющихся в Штейн, в окружении изнеженных гончих и любимых королем левреток, полный радужных предчувствий. Помимо прочего, Йоргасу феноменально повезло – его зачислили в ряды королевских псарей, хоть он и не смыслил в этом деле ни бельмеса.

Голова поезда терялась в пыльной дымке далеко впереди, а сзади доносился трубный глас недовольных слонов, перемежающийся рычанием леопардов и тигров и какофонией криков всякой мелюзги вроде макак, попугаев, павлинов. Конечно, королевский зоопарк сопровождал монарха, хотя бы самые любимые и незаменимые в путешествии зверюги. Откуда-то доносился нестройный хор пьяных голосов: «Мы ворвемся в баронство, точно вихрь с небес! Эй, девчонки и винные бочки, берегитесь столичных повес!»

Следом за королевским герольдом явился запыхавшийся мальчишка из трактира Моны (мэр опять пренебрег своими обязанностями) и объявил: лесные гоблины вышли на тропу войны, сжигая фермы и убивая всех на своем пути. Довольно странно, ведь если верить рассказу Сиилин, зеленокожих натравливал на нас мэр, а так они вроде бы неплохие ребята. Почему трусливые обычно гоблины повели себя столь агрессивно, неважно, но их нужно остановить. Мэр тоже свое получит, если это его очередные козни!

Посоветовавшись, мы решили: нападение надо отразить сегодня же. Слишком много людей может пострадать даже за одну-единственную ночь. Настроение было ужасным, к тому же меня прямо-таки завалило чередой мелких неприятностей. Посему уничтожение нескольких уродливых недомерков казалось отличным способом поднять настроение. Тем не менее тогда я еще рассматривал вполне мирные варианты решения проблемы.

Сиилин помчалась в поселок гоблинов, выяснять, что побудило их пренебречь ее советами. А мы устремились в город, намереваясь исполнить свой баронский долг перед жителями. Напомню, проклятие до сих пор действовало, посему отряд наш выглядел забавно: девушка в кирасе, с тяжелым щитом и мечом, огрычя баба (меня никто не видел под латами, но волшебный нагрудник отлично очерчивал мою «женственную» грудь), мальчишка с русой косой до пят на метле. Только Айден изменился совершенно неуловимо. Рыцарь Джон сразу отправился на городские стены. Суровые воительницы в лице «Кайты» и «Вальды» остались защищать замок, если вдруг гоблинам взбредет в головы осадить его. Многие селяне в ужасе, побросав дома, устремились в баронскую твердыню.

Мы сразу заявили к главному блюстителю порядка в Штейне, где вынуждены были принять два факта. Во-первых, шериф баронства Эрик Горман – совершеннейший трус, который не собирался защищать жителей деревень и ферм. Времени для его повешения у меня не хватало, это спасло мерзавцу жизнь. Да и горожане боюсь, не оценят, если шерифа казнят огр. Во-вторых, ополчение не готово к отражению набега, впрочем, об этом нас предупредил еще Джон, налаживающий, наверное, сейчас оборону.

После того как Гормана маленько потрясли (да, я отвел-таки душу на воротнике его рубахи), он нехотя согласился выделить чуть больше дюжины ратников. Затем мы, не медля ни минуты, выступили в направлении, где, по словам очевидцев, бесчинствовали гоблины. Изначально планировалось договориться с зеленокожими (перебив при необходимости наиболее ретивых).

Твари добрались уже до ферм, находившихся меньше чем в получасе ходьбы от стен Рио-вейна. Поначалу все пошло неплохо. Айден призвал несколько десятков иллюзорных воинов, сделав наше войско весьма внушительным с виду. Гоблины явно струхнули, с надеждой поглядывая на белый флаг парламентаря, принесенный Клодией. Но потом они словно с цепи сорвались. Самый хорошо вооруженный из них (наверняка вождь) с криком бросился на Гилберта. Он четко выделил среди нас именно моего оруженосца, интересно почему? Еще с десятков гоблинов увязались за ним, остальные избрали выжидательную тактику. Наши трусливые ратники последовали их примеру, делая вид, будто прикрывают тылы. Бой был не слишком долгим, одного удара моего гигантского меча хватало, чтобы отправить к великому духу одного-двух его почитателей, остальные не отставали. Как только мы перебили самых смелых гоблинов, другие бросились наутек. Гилберт же с моей небольшой помощью победил своего сурового противника. Только тут наша доблестная стража присоединилась к побоищу. По-моему, ополченцы просто спешили осмотреть тела убитых на предмет ценностей.

Клодия улетела на своей метле за беглецами, добравшись, таким образом, до их поселения в глубине леса. Оказалось, шаман с самого начала предрек исход боя, но удержать вождя не смог. Теперь зеленокожие снимались с насиженного места, намереваясь отправиться в места более гостеприимные. Полагаю, это к лучшему. Примириться с ними не вышло, а устраивать зачистку деревни, пусть даже гоблинской, не по мне.

Отэк в наше отсутствие ушел в лес на поиски «чего-нибудь интересного»; следопыт вообще стал сам не свой после столкновения с Камиллой, мыслью, даже слегка тронулся умом, хотя и раньше-то был с причудами. Забегая вперед, с печалью пишу, что он нашел в лесу семью троллей. Эта встреча стала последней в его жизни.

В городе ратники сразу начали хвастаться перед толпой своими подвигами. Их тоже очень захотелось повесить. Надо сдерживаться.

Забрезжил рассвет. Гилберта с трофеями, оставшимися от его противника, мы отослали в замок, сами же втроем направились к мэру, хотя вряд ли он принимает в такую рань. Пришла пора узнать, зачем его телохранители пытались натравить на нас гоблинов, и не они ли спровоцировали сегодняшнюю атаку.

По пути в особняк Макнейла обнаружилось, что действие желания Сиилин прекратилось. На радостях Клодия с Айденем совсем расслабились, да и я, каюсь, трудностей не ждал. Очень зря.

Одновременно с нами Лотрека решили посетить шестеро неприятных типов, которым зачем-то понадобилась Клодия. Понятия не имею, может, с этими наемниками удалось бы поладить, но когда один из них обозвал меня «тупым огром», я взорвался. Это был чрезмерно долгий, неописуемо поганный день. Снести оскорбление какого-то наемника (пусть даже обращенное в сторону моей новообретенной внешности) я не смог – прикончил гада, потом другого, вставшего на моем пути. Этот второй лишь немного уступал теперешнему мне ростом, удар его молота оставил на моей груди длинный кривой шрам. Когда на ногах осталось всего двое противников (точнее, противниц), а третья убежала, я позволил себе потерять сознание. Плохо или хорошо, но мне довелось выжить. Остальное записываю с чужих слов.

Под самый конец боя во дворе мэрского дома появился Гилберт, направленный к нам Айденем. Произошло это очень кстати: Клодия еле держалась на ногах, наспигованная арбалетными болтами. Мой верный оруженосец сразу внес перелом в сражение – оставшиеся наемники были убиты. Позже подоспели Джон и Вальдо, которые довели нас, а также доспехи

и оружие поверженных врагов до замка. Кроме того, они оказали неоценимую помощь в нашем лечении. Уж не знаю, откуда взялись все эти волшебные снадобья, но большое им спасибо.

Тем временем последняя бандитка сумела добраться до леса, где посредством странного колдовского устройства пыталась связаться со своим нанимателем (это некий барон, которому Клодия успела, видимо, насолить в прошлом), но на свою беду попала на глаза Сиилин с Кай-том, которые искали Отэка. Те, недолго думая, – женщина показалась им подозрительной – оглушили ее и притащили в замок. Клодия побеседовала с ней, убедив работать на нас, и отправила следить за телохранителями мэра.

О, чуть не забыл. Обнаружилось, что Лотрек вовсе не охотился за нашими головами. Охранники работали на секретаря мэра. Этого Сеймура мы мельком видели на первой встрече с городскими властями – иссушенный годами старик, со взглядом, напоминающим остротой и холодностью бритвенное лезвие. Похоже, именно он строил нам козни. Как раз сегодня все эти милые люди уехали в соседнее баронство, судя по сбивчивым объяснениям Макнейла, за лекарством от поразившей две трети города болезни. Уверен, мы еще о них услышим.

Интерлюдия 5.

Взгляд с другой стороны

– В бою всякое может случиться. Поэтому мы требуем плату вперед.

Донателло Раглин, наемник.

В прихожую особняка спустилась из мэрского кабинета группа наемников. Они уже успели пообщаться с владельцем дома, узнав много нового о своей цели. Оказывается, искомая девица ухитрилась получить дворянский титул, да еще наняла себе где-то телохранителей. Донателло нахмурился и поспешил надеть улыбающуюся маску, которая дала в свое время название его отряду.

– Хватит болтовни. Выдвигаемся, – предводитель отряда первым вышел из роскошного холла на залитый утренним солнцем двор.

Остальные нехотя последовали за командиром. Один за другим они миновали дверной проем и почему-то замешкались на крыльце. В хвосте процессии держался Хуго. Его донимали дурные предчувствия, наемник был откровенно недоволен новыми обстоятельствами задания, непрерывно ворча себе под нос – правда, достаточно громко, чтобы Дон мог расслышать и принять к сведению его мнение.

– Никто не предупредил: «Хуго, зайчик, у девки будет огр, хорошенько подготовься». Про сраного огра уговора не было! Я... – тут он поднял глаза: напротив отряда во дворе стояли вышеупомянутая девка, закованный в броню огр и еще какой-то неизвестный тип в робе.

А в следующий миг монстр атаковал, стремительно сорвавшись с места. Один взмах огромного пылающего меча... Ни стальная кираса, ни верный трезубец не спасли воина, Хуго умер почти мгновенно. Сила удара оказалась столь велика, что тело отшвырнуло обратно в прихожую.

Труп еще не успел упасть на пол, а спутники огра уже начали действовать. Красавица-блондинка сделала несколько эффектных па, устремив взгляд на Абобо. Руки великана вдруг свело сильнейшей судорогой, молот Скалистого Ужаса выпал из разжавшихся ладоней на землю. Человек в робе произнес витиеватую скороговорку и начал делать странные жесты руками.

– Айрин! К Хуго, быстро! – Донателло грязно выругался, бросаясь на противника. Полуторный меч врезался в бок образине, но лишь бессильно проскрежетал по броне.

Айрин метнулась назад, к телу поверженного товарища. Одного короткого взгляда ей хватило, чтобы понять: ее услуги наемнику уже никогда не понадобятся.

– Хуго спекся! – прокричала она. Начало боя не сулило ничего хорошего.

Милдред, зарывав от ярости, начала вращать рукоятку на боку своего арбалета. Знаменитая Машина Ненависти очень хотела кого-нибудь сегодня убить, огр подходил для этого как нельзя лучше. Смертоносное устройство трижды щелкнуло, выпустив стальные молнии. Наемница злобно усмехнулась под своей маской, предвкушая, как снаряды, пробив броню, вопьются в плоть, но доспех гада снова оказался на высоте. Болты высекли из кирасы сноп искр и бесильно опали на землю. Чересчур крепкий! Милдред раздосадованно сплюнула, затем прицелилась в противную блондинку.

Эльвира, внимательно приглядевшись, смекнула: размахивающий руками мужчина в робе не более чем иллюзия. Настоящий маг прикрылся пологом чар и стоял сейчас неподалеку от огра, читая какое-то заклинание.

– Здесь невидимка! – наемница одним стремительным движением убрала саи за пояс, вытащив пару коротких ножей. Замах – кинжалы полетели вперед. Незримый чародей, совершенно не ожидавший нападения, лишь сдавленно вскрикнул, когда один из клинков пропорол

ему бок. Тут Эльвира с ужасом заметила, что кольцо прицела Машины Ненависти смотрит прямоком на заказанную красотку.

– Стой! У нас распоряжение взять ее невредимой! – Эльвира врезала по оружию соратницы, и вскинувшийся арбалет выплюнул следующие три болта в небо.

Огр и Донателло обменялись серией беглых ударов, не принесящих, впрочем, особенных результатов. Наемник успешно парировал все выпады, а монстр просто проигнорировал те несколько царапин, которые нанес ему клинок главаря. Правда, сбоку к чудовищу уже заходил поднявший молот Абобо – страшилищу скоро не поздоровится.

Айрин не стала возвращаться на улицу, а прямо с места швырнула в огра сгусток энергии: магическая стрела прошла сквозь доспех, оставив на теле ожог. Тварь даже не обратила внимания на этот комариный укус, но целительница уже сплетала новый снаряд.

Блондинка, заметив направленный на нее арбалет и борьбу двух наемниц, вновь сотворила заклинание спазма. Милдред зашипела от боли, смертоносный механизм с лязгом упал в пыль.

– Ах ты дрянь! – женщина потянулась за своим оружием.

Эльвира метнула еще пару кинжалов. Колдун, хоть на сей раз он и был готов к такому повороту, вновь не смог увернуться. Оба клинка воткнулись куда-то в живот. На расшитой робе проступили пятна крови, однако чародей все равно не сбился, закончив творить заклинание. С кончиков его пальцев сорвалась яркая серебристая искра, которая втянулась в широкую спину огра.

– Что вам от меня нужно? – полюбопытствовала блондинка. Она поудобнее перехватила метлу, которую все это время держала в руках, и неожиданно, усевшись на нее верхом, начала подниматься вверх, извлекая из-за спины боевой посох.

– Самая малость, – ответил девушке Донателло, – вам нужно отправиться со мной. Вот только ваш тупой огр зачем-то напал на нас, – наемник опять попытался пронзить своего противника мечом, но его выпад в очередной раз оказался умело отбит.

При словах «тупой огр» девица недовольно поморщилась, сам же монстр еще больше разъярился – его удары как будто усилились. Донателло ошеломленно моргнул: неужели чудище стало двигаться проворнее?! Теперь командир наемников куда чаще защищался, чем атаковал. К сожалению, первый взмах молота Скалистого Ужаса тоже пришелся в пустоту.

Маг, который, как поняла Эльвира, наложил сейчас на огра чары ускорения, поглядел на торчащие в животе ножи, покачал головой и взмыл в воздух. Он явно не собирался дожидаться окончания представления, предпочитая покинуть поле битвы раньше, чем истечет кровь. Засранец мог привести подкрепление, внеся перелом в ход боя. Но помешать ему единственная способная видеть сквозь иллюзии наемница уже не успевала.

– Если вы извинитесь перед лордом де Монте, то я готова пойти с вами, – предложила блондинка, слегка наклонившись и начертав наверху посоха замысловатую фигуру в воздухе.

Еще один мышечный спазм комично повалил Милдред на ее арбалет.

– Этот ваш телохранитель убил моего человека... Давай, Абобо! – Донателло вложил все свои силы в один колющий удар, лезвие едва не по рукоять вошло в бок огра. Монстр чуть замешкался, замахнувшись для контратаки. Тут же в его грудь вонзился заостренный «клюв» молота. Исполинских размеров оружие легко пробило доспех, глубоко пробороздив плоть и окропив все вокруг кровью. А вслед за этими страшными ударами в него впились две магических стрелы Айрин. Рука твари разжалась, меч полетел на землю.

– Так тебе, сукин сын! – Донателло ликовал, но радость его оказалась преждевременной.

Огр, подхватив свое оружие, стремительно атаковал Абобо. Клинок с хрустом проломил грудную клетку молотобойца и, прорвав легкие, вышел наружу. Силач рухнул на колени, еще мгновение простоял в таком положении, а потом медленно завалился набок. Почти одновременно

менно с этим блондинка, подлетев в упор к дерущимся, заехала своим посохом по голове предводителя наемников. Глаза Донателло закатились, он осел под ноги своего противника.

– Ну нет, на такое я не подписывалась! – Эльвира выхватила нагетеппо и скрылась в клубах дыма. Скорее в лес; с нанимателем еще можно объясниться, а вот запасной жизни у нее в сумке не завалилось.

Огр обвел поле боя мутным от слабости взглядом. Перед ним оставались две противницы, но силы были на исходе, кровь хлестала из страшных ран.

– Простите, леди Клодия, но дальше вам придется справляться без меня, – он покачнулся и опрокинулся наземь.

– Да пошло оно все к Другу! – Милдред, которая уже поднялась на ноги, несколько раз крутанула рукоять, направив арбалет на блондинку.

Наемница никого больше не желала щадить! Механизм послушно застрекотал, выпуская целую тучу болтов, и хотя жертва попыталась уйти с траектории стрельбы, кинувшись ничком на землю, избежать всех снарядов ей не удалось. Четыре или даже пять из них пробили легкую броню девушки, глубоко уйдя в тело. Девушка, истекая кровью, покатила по земле, а Милдред и Айрин бросились к ней.

– Идиотка! Если она тут подохнет, мои дети останутся без денег! – раздосадованно прошипела лекарша, выдергивая болты и на скорую руку забинтовывая раны блондинки, пока Машина Ненависти связывала той руки-ноги.

В этот момент во дворе появилось новое действующее лицо. Молодой паренек перелез через забор и сразу бросился к наемницам. Воздетый меч не оставлял никакого сомнения в его намерениях.

– Да что ж сегодня за день такой! Откуда вы только беретесь, выблядки?! – Милдред вскочила на ноги, разряжая два оставшихся болта в нападающего.

Айрин откатилась в сторону и прямо из положения лежа запустила в неизвестного магическую стрелу.

Все три снаряда попали в цель, юноша явно получил весьма неприятные раны, но это его не остановило. Милдред в очередной раз ругнулась. Отбросив бесполезный арбалет с опустевшим магазином в сторону, она вытащила из ножен короткий меч.

– Ну, валяй, паскудыш, иди ко мне! – проревела она.

Паренек, не замедляя бега, поднырнул под вытянутый меч Машины Ненависти и вонзил свой клинок ей между ребер. Женщина с яростью поглядела на своего убийцу, затем свалилась замертво. Пузырящаяся на ее губах кровь заставляла сомневаться, что она когда-нибудь поднимется вновь.

А вот дальше началась смертельная чехарда. Юноша преследовал Айрин по всему двору особняка, а чародейка, легко избегая его ударов, раз за разом отвечала магическими снарядами. Казалось, победа колдуньи – лишь вопрос времени, и она позволила себе немного расслабиться. Айрин не заметила, как белобрысая девушка потихоньку выбирается из своих пут. А та не просто освободилась от веревок, но и подтянула к себе меч Милдред.

Мальчишка в очередной раз попытался достать клинком свою противницу, но тут ему в ногу вновь попала магическая стрела. Юный воин рухнул на землю.

– Ничего личного, приятель, только работа, – Айрин начала формировать сияющий шар, намереваясь добить врага. – Вот, пожалуй, и все.

В этот самый миг блондинка, лежащая неподалеку (собственно, упавший мальчишка едва не придавил ее), резко вскочила с земли. Она со всей силы всадила лезвие в грудь целительницы.

– Я тоже очень надеюсь, что это все! – навалившись на клинок всем телом, белобрысая фурия опрокинула противницу наземь, скалясь в бледнеющее лицо, освободившееся перед смертью от маски.

Айрин с каким-то детским удивлением посмотрела на пронзившую ее сердце железку и умерла, так и не поняв, где совершила ошибку.

– А вообще – есть еще одно дело, – блондинка, морщась от боли, доковыляла до лежащего без сознания командира наемников. Вынув у него из ножен кинжал, она на мгновение задумалась, потом, решившись, воткнула лезвие в зазор под маской, перерезав ему горло.

– Вот, теперь точно все, – устало пробормотала девица, усаживаясь на землю рядом с трупами. Сейчас она, похоже, могла бы заснуть, уютно приткнувшись прямо между Доном и Абобо.

Где-то за забором особняка послышался стук подков по мостовой. Наверное, маг позвал кого-то еще на выручку своим друзьям. Впрочем, «Весельчакам Донателло» это было уже безразлично. Финальный в своей карьере бой прославленные наемники проиграли с разгромным, смертельным счетом.

– День 3 апреля года 1827 от основания великого королевства Арагон.

– Соблазнить женицину проще, чем объездить лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.